На правах рукописи

Щитова Ольга Григорьевна

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ НЕИСКОННОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ XVII ВЕКА

10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Томск – 2008

Работа выполнена на кафедре русского языка
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Блинова Ольга Иосифовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Богословская Зоя Матиновна

доктор филологических наук, профессор
Панин Леонид Григорьевич

доктор филологических наук, профессор
Шелепова Людмила Ивановна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Пермский государственный университет»

Защита состоится «12» ноября 2008 года в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу 634050, Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан « » октября 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, профессор Л.А. Захарова

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена исследованию неисконной лексики в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII в., послужившей основой для формирования ранних переселенческих среднеобских говоров, складывающихся на территории сибирского пограничья русской культуры с культурой исконного сибирского населения. Исследование направлено на реконструкцию и полиаспектное изучение корпуса иноязычных номинаций, входящих в лексический состав данного пограничного языкового континуума, на выявление характерных для него в XVII в. внешних источников пополнения лексики, новых направлений языкового контактирования, тематических зон межъязыкового (и межкультурного) взаимодействия и изменений, произошедших с унаследованными от материнских говоров неисконными лексическими элементами в новых условиях. В работе рассматриваются также проблема ассимиляции неисконной лексики на разных уровнях принимающего региолекта, особенности функционирования неисконной лексики в говорах Среднего Приобья XVII в., ареальный статус исследованного словарного материала.

Актуальность темы. Обращение к XVII веку обусловлено тем, что допетровская эпоха – чрезвычайно важный и уникальный этап в истории русского языка и в истории русских среднеобских говоров. К XVII столетию относится формирование русского национального языка, становление его норм, а разговорная речь жителей Среднего Приобья XVII в. представляет собой ранние этапы формирования русских среднеобских говоров.

Исследование неисконной лексики, функционирующей в разговорной речи Среднего Приобья XVII в. и до сих пор не являвшейся объектом специального изучения, позволяет обратиться к проблеме формирования одной из систем сибирских говоров на ранней стадии их существования, определяя место единиц западного, уральско-алтайского и другого происхождения в составе неисконной лексики языкового континуума данного хронотопа и выявляя региональные особенности ассимиляции и функционирования неисконной лексики.

Введение в научный оборот неопубликованных рукописных памятников, а также опора на существующие публикации местных деловых документов XVII в. является актуальной задачей исторической лексикологии, лексикографии, диалектологии, источниковедения и других направлений современной лингвистики, поскольку расширяет источниковедческую базу для исследования истории русского национального языка во всем региональном многообразии его проявлений (см. работы Л.Ю. Астахиной, Г.А. Богатовой, Е.Н. Борисовой, С.С. Волкова, В.Я. Дерягина, А.Н. Качалкина, С.И. Коткова, Б.А. Ларина, В.В. Палагиной, Е.Н. Поляковой, Г.П. Смолицкой, Ф.П. Филина, Н.А. Цомакион, Ю.И. Чайкиной, О.В. Бараковой и др.).

Памятники сибирского (томского) делового письма XVII в. предоставляют материал для исследований не только по исторической диалектологии, но и по

истории русского национального (литературного) языка, давая возможность пополнить имеющийся в арсенале исторической лексикологии корпус лексики новыми словами и их вариантами, а также внести коррективы в хронологию заимствования конкретных номинаций.

В настоящее время в лингвистике не ослабевает интерес к проблемам заимствования, освещаемым в этимологическом, историко-лексикологическом, функционально-стилистическом, культурологическом, этнолингвистическом и других аспектах. Процесс ассимиляции иностранных слов в языке-реципиенте обретает новые современные ракурсы исследования. К таковым относится проведенный в диссертации комплексный анализ лексико-грамматической ассимиляции иноязычной лексики, направлений словообразовательной ассимиляции, в том числе словообразовательной членимости заимствований в разговорной речи Среднего Приобья XVII в., и др.

Реферируемая работа является актуальной в связи с идеей евроазиатского диалога (Н.С. Трубецкой, Л.Н. Гумилев, Н.И. Толстой и др.), фронтира – условной линии, границы, которой фиксируют разделение национальных групп (Ф.Дж. Теньер, Б. Томмасен, П. Верени). На лингвистическом уровне взаимодействие национальных групп может приводить к образованию своеобразных идиомов в зоне порубежья, включающих в себя элементы языков, которыми владеют данные национальные группы (Е.В. Перехвальская, 2006).

Границей между Россией и азиатским миром в начале XVII вв. были возведенные на территории Западной Сибири остроги. В 1596–1598 гг. построен Нарымский острог, в 1604 г. – Томский, в 1605 гг. – Кетской, в 1618 г. – Кузнецкий. Изучение такого языкового континуума, складывающегося на стыке разных этнических культур, каким является русская разговорная речь средней части Обского бассейна, имеет культурологическое значение.

Современная стадия кристаллизации лингвистического фронтира, зародившегося на территории Сибири в XVII в., представлена в исследованиях современных среднеобских говоров учеными Томской диалектологической школы (О.И. Блинова, 2003), в изысканиях в области заимствованной лексики современных сибирских говоров из аборигенных языков Сибири, которые ведутся диалектологами (А.М. Селищев, 1968; С.И. Ольгович, 1963; Л.В. Петропавловская, 1979, 1983, 1988; А.Е. Аникин, 1985, 1986, 1987, 1992, 2000, 2004; Б.Я. Шарифуллин, 1990, 1994, 1998; Л.И. Шелепова, 1977, 1999; А.И. Федоров, 2000 и др.).

Изучение начальной стадии формирования среднеобских говоров производится в диссертации на базе местных деловых документов XVII в.

Сибирские памятники письменности XVII в. послужили источником для исследования лексики: тобольские, тюменские, кузнецкие и др. – в трудах Л.Г. Панина, тюменские – в трудах Н.В. Лабунец, мангазейские, красноярские, приенисейские – в трудах Н.А. Цомакион, В.Н. Роговой, А.В. Кипчатовой, О.В. Фельде (Борхвальдт), Л.М. Городиловой, забайкальские – в трудах А.П. Майорова, якутские – в трудах Н.Г. Самсонова и др.

Реконструкция исходного состояния вторичного говора на материале томского говора произведена В.В. Палагиной в ее докторской диссертации (1973) и публикациях. Истории прикетских говоров, выявлению их диалектной основы, фонетическому и морфологическому строю уделено пристальное внимание в диссертации Л.А. Захаровой (1969 и др.), фонетике и морфологии говора Мунгатского острога – в диссертации О.А. Любимовой (1969), Томского острога – у С.Э. Мазо (1970). В ряде изданий освещены некоторые процессы формирования лексической системы прикетских говоров, исследована разговорная лексика в памятниках Кетского и Нарымского острогов, антропонимия Кетского, Кузнецкого, Нарымского и Томского острогов, топонимия в историко-лексикологическом, лексикографическом и культурологическом аспектах; объектом исследования томских ученых стала лексика исходного состояния среднеобских говоров в составе отдельных тематических и лексико-семантических групп (работы И. А. Воробьевой, Л. А.Захаровой, Г. Н. Стариковой, Т. А. Шакурской и др.). Неисконная лексика же в говорах Среднего Приобья XVII в. не подвергалась комплексному исследованию.

В современных лингвистических штудиях все чаще звучит мнение об актуальности совмещения синхронных аспектов анализа с диахроническими в рамках единой динамической системы (Б. В. Горнунг, 1960; Ю. В. Рождественский, 1990, 2000; Ю. С. Степанов, 2002; В. Н. Топоров, 2005; Л. П. Дронова, 2005, 2006 и др.). Данная позиция находит свое развитие в реферируемой работе.

В диссертации впервые подвергнута комплексному исследованию неисконная лексика западного и уральско-алтайского происхождения в томской разговорной речи XVII в., послужившей базой для формирования говоров Среднего Приобья, представляющего собой в XVII в. пограничную сибирскую зону Московской Руси.

Целью диссертационного сочинения является комплексное изучение характерных черт иноязычного фрагмента лексики томской разговорной речи XVII в. как одной из составляющих лексической системы пограничного языкового континуума в начальный период становления среднеобского диалекта (среднеобских говоров).

Объект исследования составляет неисконная лексика, заимствованная из западных, уральских, алтайских и других языков, зафиксированная в томских деловых документах XVII в.

Предметом являются хронолого-генетическая стратификация неисконных номинаций в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII в., их семантика, ассимиляция в языке-реципиенте, специфика функционирования в среднеобском регионолекте, особенности номинации (эквивалентности), деривационный потенциал, ареальный статус.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1) реконструировать корпус неисконных номинаций для русской разговорной речи Среднего Приобья XVII в. по материалам томских деловых

документов допетровской эпохи, установив источники и хронологию заимствования каждого слова, и выявить тематические зоны наиболее интенсивного межъязыкового взаимодействия, отразившиеся в составе неисконной лексики, зафиксированной в томских деловых документах XVII в.;

2) определить состав пласта *досибирских* заимствований, унаследованных русскими говорами среднеобского региона XVII в. от материнских говоров Европейской части Российского государства; представить генетическую стратификацию иноязычной лексики, вошедшей в русские говоры Среднего Приобья в XVII в., на начальном этапе *сибирского* периода существования современных среднеобских говоров, и особенности состава сибирского пласта неисконной лексики;

3) показать источниковедческое и культурологическое значение исследования томских деловых документов XVII в. в плане уточнения хронологии заимствований и фиксации лексического материала, не отмеченного в исторических словарях других регионов;

4) выявить семантические свойства досибирских и сибирских заимствований, итоги и особенности их семантической ассимиляции в русском языке и говорах Среднего Приобья;

5) установить направления и критерии словообразовательной ассимиляции заимствований в разговорной речи среднеобского фронтира допетровской эпохи;

6) изучить функциональную эквивалентность неисконной лексики в текстах томских деловых документов XVII в. в аспекте функциональной ассимиляции в языке-реципиенте для выявления безэквивалентной и эквивалентной лексики, первичных и вторичных иноязычных номинаций в томской разговорной речи XVII в.;

7) описать лексико-грамматическую валентность слов неисконного происхождения в текстах памятников деловой письменности Среднего Приобья XVII в. и выявить особенности сочетательных способностей иноязычной лексики сибирского периода, в том числе на разных этапах ассимиляции в томской разговорной речи XVII в.;

8) определить ареальный статус неисконных номинаций досибирского и сибирского периода вхождения в русский язык и его говоры; произвести типологию регионально ограниченной лексики Сибири и Среднего Приобья.

Материалом для анализа послужили томские деловые документы XVII в., в значительной степени отражающие томскую разговорную речь: приходные, расходные и таможенные книги, челобитные служилых людей и крестьян, отписки томских воевод, расспросные и пыточные речи, грамоты и др. В основу исследования положены рукописи документов Сибирского приказа, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, ф. 214 (г. Москва), в Отделе редких книг Научной библиотеки Томского государственного университета, Государственном архиве Томской области, а также опубликованные документы и лексикографические источники: «Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века», авторами-

составителями которого являются В.В. Палагина, Л.А. Захарова, Г.Н. Старикова (Томск, 2002) и его картотека, хранящаяся в Томском государственном университете, «Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.» Л.Г. Панина (Новосибирск, 1991).

В процессе семантизации лексических единиц и для реализации сопоставительного аспекта исследования были использованы в качестве дополнительных источники более широкого ареала: сибирские деловые документы и памятники, написанные на территории распространения материнских говоров, а также лексикографические источники: названный выше словарь Л.Г. Панина, «Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв.» Н.А. Цомакион (Красноярск, 1971), «Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков» А.Е. Аникина (М.; Новосибирск, 2000), Словарь русского языка XI–XVII вв., Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. (Т. 1) (СПб., 2005), Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера (Вып. 1) (Екатеринбург, 2004), «Словарь народных географических терминов Тюменской области (южные районы)» Н.В. Лабунец (Тюмень, 2003), «Словарь географических терминов в русской речи Пермского края» Е.Н. Поляковой (Пермь, 2007), Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая (выпуск 1) (Барнаул, 2007), – а также материалы картотек Словаря русского языка XI–XVII вв., Словаря древнерусского языка (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва), Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург).

Общий объем использованных в диссертации памятников составляет около 15 000 листов рукописей и 20 000 страниц публикаций.

Для проведения исследования из разных источников извлечено в целях комплексного анализа 319 неисконных лексических единиц и более 610 дериватов, образованных на базе заимствований. Кроме этого, в спектр анализа вовлечено 103 единицы исконного происхождения, необходимые для исследования тематических групп названий тканей, военной лексики, функциональной эквивалентности (особенностей номинации), лексико-грамматической валентности, регионального статуса иноязычных слов и т.д.

Научная новизна исследования

1. Впервые осуществлено теоретически обобщенное комплексное исследование неисконной лексики в разговорной речи Среднего Приобья XVII в. как одной из составляющих лексической системы пограничного языкового континуума в начальный период становления среднеобского диалекта. Выполнен анализ ассимиляции неисконной лексики в семантическом, словообразовательном, лексико-грамматическом аспектах при совмещении синхронных и диахронических подходов к рассмотрению материала.

2. Изучение неисконной лексики начального периода формирования говоров Среднего Приобья произведено на материале томской деловой письменности XVII в. В научный оборот введены неопубликованные памятники томской деловой письменности XVII в.

3. Реконструирован корпус неисконной лексики, заимствованной из западных языков (греческого, латинского, германских, романских, литовского, славянских), а также тюркских, монгольских, финно-угорских, самодийских и других, в составе разговорной речи населения средней части бассейна реки Оби XVII в. Существующая методика реконструкции исходного состояния вторичного говора дополнена возможностью восстановления иноязычных единиц, не обнаруженных в документах, из зафиксированных в них дериватов, а также с привлечением памятников иной территориальной принадлежности и материалов современных сибирских говоров.

4. Определен состав неисконного фрагмента лексики *досибирского* периода, унаследованной томскими говорами Среднего Приобья XVII в. от материнских говоров русской метрополии, в аспекте хронологии и источников заимствования. Выявлены генетическая стратификация иноязычной лексики, пополнившей русские говоры Среднего Приобья в *сибирский* период их существования, и особенности состава сибирского пласта неисконной лексики.

5. Произведены хронологические коррективы и/или выявлено время первой письменной фиксации в русской письменности 22 иноязычных слов; зафиксирован лексический материал (6 иноязычных номинаций), не отмеченный в исторических словарях других регионов; предложена этимология отдельных сибирских заимствований. На основании контекстного анализа томских деловых документов XVII в. определена/уточнена семантика 36 иноязычных номинаций и/или их дериватов, имеющих сомнительные или недостаточные дефиниции в исторических словарях.

6. Разработана методика анализа лексико-грамматической валентности неисконной лексики в принимающем языковом континууме, введено понятие *индекса валентности* как итогового количественного показателя лексико-грамматической валентности слова. Выявлены особенности валентных способностей иноязычных номинаций сибирского периода на разных этапах лексико-грамматической ассимиляции.

7. Установлен ареальный статус 319 неисконных номинаций досибирского и сибирского периода вхождения в русский язык и его говоры; произведена классификация регионально ограниченной лексики Сибири и Среднего Приобья.

8. Научную новизну представляет комплексное использование критериев ассимиляции иноязычного слова в принимающем языковом континууме Среднего Приобья XVII в.

Методы и приемы исследования . Цели и задачам работы соответствуют использованные традиционные и новейшие методы и приемы современной лингвистики. Методологическую базу исследования составляют принципы историко-культурологического и системного подходов к лексическому

материалу XVII в. Методологические принципы исследования реализованы путем применения приемов описательного, сопоставительного, сравнительно-исторического методов, в рамках которого применялись общенаучные приемы непосредственного наблюдения, систематизации, интерпретации, доказательства, обобщения, количественного анализа; в процессе изучения неисконной лексики были реализованы лингвистические приемы внутренней реконструкции, компонентного, дистрибутивного, контекстного, типологического анализов; приема лингвогеографии; отбор фактического материала, положенного в основу диссертационного исследования, производился *приемом сплошной выборки* из текстов деловых документов XVII в.

Теоретическое значение работы составляет разработка теории и методики комплексного исследования лексики неисконного происхождения в формирующейся системе ранних переселенческих говоров вторичного типа – русских говоров Среднего Приобья XVII в., а также вклад в решение актуальных проблем теории заимствования, касающихся этимологии неисконной лексики, критериев ассимилированности заимствований в языке-реципиенте, аспектов изучения ассимиляции и функционирования иноязычных слов.

Комплексность данного исследования заключается в сопряжении синхронного и диахронического аспектов в рамках динамического подхода. Ведущим аспектом исследования является синхронный: в фокусе внимания находится синхронный срез формирующейся лексической системы говоров сибирской фронтирной зоны XVII в. В русле семантики и семасиологии представлен анализ репрезентации неисконной лексикой предметно-тематических групп, функциональной эквивалентности иноязычных слов в русском языке и говорах Среднего Приобья XVII в. Исследование словообразовательного уровня языкового пограничного континуума XVII в. реализовано в процессе анализа словообразовательной ассимиляции неисконных лексических единиц в томской разговорной речи XVII в. В синтагматическом ключе на синхронном срезе проведено изучение лексико-грамматической валентности неисконных номинаций в разговорной речи населения Среднего Приобья XVII в. В синхронном аспекте решается вопрос территориального статуса неисконных лексических единиц, функционирующих в текстах томских деловых документов XVII в. Динамический подход к анализу языковых явлений представлен в работе не только как диахронический, предполагающий исследование эволюции, развития и совершенствования языка, изучение его истории, но в большей степени как внимание к подвижности языковых элементов и их свойств в процессе функционирования языка в синхронии. Динамика лексических процессов в синхронном срезе языка проявляется (как движение) в переходе слов из одной языковой системы в другую и связанными с ним формальными и семантическими процессами, в реакции системы языка-реципиента на новозаимствование, в непрерывном развитии значений слов в составе лексико-

семантических групп и т.д., в изменении ряда языковых явлений от начала до конца XVII в. Такой подход к исследованию непрерывно изменяющихся языковых явлений определенного временнóго среза, при котором ведущим аспектом является синхронный, в необходимых случаях дополняемый экскурсами в диахронию, квалифицируется в диссертации как *динамический*, поскольку представляет движение, преобразования и эволюцию языковых явлений.

Комплексность данного исследования определяется совокупностью критериев ассимиляции иноязычной лексики в принимающей среде сибирского языкового континуума XVII в., в том числе результата семантической ассимиляции, деривационного потенциала, словообразовательной членимости в рамках словообразовательной ассимиляции, характера эквивалентности слов иноязычного происхождения (особенностей их номинации), лексико-грамматической валентности (индекса валентности) и т.д.

В итоге определен комплекс черт, характеризующих сущность и особенности неисконного фрагмента лексики разговорной речи населения Томского уезда XVII в., проявляющиеся на формальном (фонетическом, графическом), словообразовательном, морфологическом, лексическом (лексико-семантическом), синтаксическом уровнях.

Разработан комплекс классификаций неисконной лексики, реконструированной по томским деловым документам XVII в.: тематическая, с точки зрения хронологии и источников заимствования, итогов семантической ассимиляции, функциональной эквивалентности, территории распространения. В диссертации разработана и представлена типология неисконной лексики, квалифицированной как локально ограниченная лексика Сибири и Среднего Приобья.

Диссертация вносит определенный вклад в разработку теории контактологии, в частности проблемы заимствований допетровской эпохи, вошедших в русский язык и его говоры из совокупности западных, тюрко-монгольских, финно-угро-самодийских и других языков; островного влияния польского языка на русские говоры среднеобского региона XVII в.

Результаты исследования представляют теоретическую значимость для исторической диалектологии и лексикологии: определена роль неисконной лексики в формировании лексической системы говоров Среднего Приобья и региональной разновидности русского национального языка XVII в. на ранних этапах их формирования; для разработки междисциплинарной проблемы фронтира и евразийского союза.

Разработана методика анализа лексико-грамматической валентности неисконной лексики. Выявлен набор валентностей на разных этапах ассимиляции иноязычных слов.

Разграничены понятия *адаптация* и *ассимиляция* иноязычной лексики, обосновано изучение степени *морфемной членимости* заимствованных слов в качестве критерия их ассимиляции в принимающем идиоме, введено понятие

индекса валентности. В научный оборот вовлечено около 10 000 листов рукописей неопубликованных деловых документов XVII в.

Практическая значимость. Результаты проведенного исследования представляют ценность для специалистов по русской исторической и современной лексикологии, диалектологии, истории языка, этимологии.

Материалы диссертации могут найти применение в лексикографической практике: при составлении общих и региональных исторических, а также этимологических словарей.

Наблюдения и выводы, изложенные в работе, могут быть внесены в учебно-педагогическую практику: преподавание исторической лексикологии русского языка, исторической диалектологии, региональной лексикологии, проведение спецкурсов и спецсеминаров по этимологии, чтение раздела «Лексика» в курсах «Современный русский язык», «Историческая грамматика русского языка», раздела о языке XVII–XVIII вв. в курсе «История русского литературного языка».

Основные положения, выносимые на защиту

1. Томские деловые документы XVII в. дают возможность реконструировать корпус неисконной лексики для русской разговорной речи Среднего Приобья XVII в., послужившей основой для формирования современных среднеобских говоров. Неисконная лексика характеризуется тематическим разнообразием, в ее составе выделено более двенадцати тематических групп, имеющих сложную многоступенчатую иерархию. Тематической зоной наиболее интенсивного межъязыкового взаимодействия, отразившейся в составе неисконной лексики, зафиксированной в томских деловых документах XVII в., является военная лексика, что детерминировано экстралингвистическими факторами регионального характера. Тематическое *сходство* иноязычной лексики, заимствованной в сибирский период из западных и уральско-алтайских языков, связано со сферой товарно-денежных отношений (торговля, метрология, товары, налоги). Тематическая *специфика* иноязычных номинаций, транспонированных в XVII в. из западных языков, представлена военным делом, из уральско-алтайских языков – с промыслами местного населения (охотой, рыболовством, собирательством) и обусловлена расширением круга общения жителей Московской Руси, их знакомством с ранее неизвестными народами и племенами Сибири.

2. Иноязычная лексика *досибирского* периода истории среднеобских говоров, вошедшая в томские говоры XVII в. в составе материнских, характеризуется генетическим и хронологическим разнообразием. Генетическая стратификация неисконной лексики *сибирского* периода существования среднеобских говоров (XVII в.) отражает начальную стадию формирования пограничного языкового континуума, соединившего и преобразовавшего в себе две разнородные культуры – европейскую и азиатскую (западную и восточную). Сибирский пласт неисконной лексики томской разговорной речи XVII в. составляют: а) номинации западного происхождения (германского, романского, греческого, литовского, польского,

украинского и белорусского); б) лексика, заимствованная из тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, финно-угро-самодийских и других языков. Особенностями процесса заимствования в сибирский период, отразившимися на лексическом строе томских деловых документов XVII в., являются: а) проникновение в русскую разговорную речь сибирского фронтира лексики из тунгусо-маньчжурских и самодийских языков, являющихся единичными среди досибирских заимствований; б) увеличение количества заимствований из автохтонных монгольских языков и диалектов; в) для русских говоров среднеобского региона XVII в. ведущим является языковое влияние татарских языков и диалектов; г) благоприятные условия для островного влияния польского языка, проникновения в томскую разговорную речь XVII в. и сохранения в ней полонизмов.

Исследование среднеобских деловых документов XVII в. дает возможность уточнить время первой фиксации целого ряда заимствований и/или их дериватов в русских письменных памятниках, а также выявить иноязычные слова, не зафиксированные в историко-этимологических словарях других регионов.

3. Процессы семантической ассимиляции неисконных номинаций, вошедших в говоры Среднего Приобья в сибирский период, соответствуют языковым универсалиям, характерным для семантических преобразований.

Преобладание пути семантической ассимиляции неисконных номинаций сибирского периода вхождения в русские говоры, в результате которого денотативная семантика русского слова остается *идентичной* значению его иноязычного прототипа, является отличительной чертой иноязычной лексики сибирского периода по сравнению с досибирскими заимствованиями и свидетельствует о том, что русские говоры среднеобского пограничья восприняли в значительной степени без изменения языковую информацию как западной, так и восточной культур, актуальную для первонасельников сибирского края. *Специализация* семантики иноязычных единиц языка-источника, происходящая в процессе их освоения русскими говорами, связана с необходимостью терминологизации русского языка на стадии формирования национального языка как **общерусской** тенденцией. Приобретение заимствованиями сибирского периода **регионально** специфических оттенков значения происходит в результате конкретизации семантики, расширения смысла, метафорического и метонимического переносов и др.

4. О степени освоенности заимствований в принимающем идиоме можно судить, комплексно используя следующие словообразовательные критерии:

а) морфемно-словообразовательное оформление иноязычных слов;

б) разноступенчатость деривации их производных;

в) многозначность дериватов;

г) образование производных путем семантической и синтаксической деривации, развитие у них фразеологически связанных значений;

д) воздействие на заимствованные слова деривационного поля русского языка;

е) степень морфемной членимости иноязычных слов.

Языковой континуум среднеобского пограничья приобрел по сравнению с говорами русской метрополии особенности, касающиеся деривационного потенциала *досибирских* заимствований. Специфические черты деривационного потенциала с*ибирских* заимствований:

а) иноязычные номинации алтайско-уральского происхождения по своему деривационному потенциалу в несколько раз более активны, нежели западные заимствования;

б) словообразовательная ассимиляция в сибирских говорах XVII в. тюркизмов, характеризующихся высшей степенью коммуникативной актуальности, протекает с большей интенсивностью, нежели слов, вошедших из других языков.

5. Впервые в функциональном аспекте, а именно с точки зрения функциональной эквивалентности, исследуются иноязычные слова (а не их варианты) в сибирском говоре XVII в. Одним из признаков ассимиляции неисконной лексики в формирующейся системе говоров среднеобского региона является отсутствие в ней полных эквивалентов по отношению к заимствованным словам. Неисконные номинации томской разговорной речи XVII в. вступают с другими лексическими единицами в отношения неполной эквивалентности: синонимические и родовидовые. Функциональная эквивалентность неисконной лексики в текстах томских деловых документов XVII в. свидетельствует о единичных случаях дублетных отношений между неисконными лексемами и исконно русскими или ранее заимствованными словами в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII в. Отношения полной эквивалентности наблюдаются у вариантов, имеющих отличия в отношении а) языка-источника, б) языка-посредника, в) времени заимствования (сибирский и досибирский период).

6. Важным критерием ассимиляции иноязычной лексики в языке-реципиенте является ее лексико-грамматическая валентность, зависящая от семантических, морфологических, синтаксических свойств неисконных номинаций. На разных этапах лексико-грамматической ассимиляции в принимающем языковом континууме иноязычные слова приобретают специфические валентные способности, зависящие от их категориальной и лексической семантики. Характерной особенностью языкового континуума среднеобского фронтира XVII в. является обстоятельственная пассивная валентность, свойственная иноязычным этнонимам сибирского периода, и их пространственная грамматическая семантика как конкретизация характера обстоятельства.

7. Ареальный статус неисконных номинаций, реконструированных для разговорной речи Среднего Приобья XVII в., позволил выделить среди **досибирских** заимствований группы общерусских и междиалектных лексических единиц, унаследованных от материнских говоров. Корпус иноязычной лексики **сибирского периода** составляют: 1) общерусские номинации (преимущественно западного происхождения); 2) междиалектные

единицы (в основном алтайско-уральского происхождения), представляющие собой, во-первых, лексику, привнесенную в сибирские говоры из материнских, а во-вторых, иноязычные единицы, заимствованные из аборигенных языков русскими говорами Сибири и перенесенные из них в говоры российской метрополии; 3) локально ограниченная лексика Сибири, представленная сибиризмами разных типов: лексическими, формальными (фонетическими, морфологическими, словообразовательными), семантическими и формально-семантическими. Диалектное происхождение корпуса иноязычной лексики говоров Среднего Приобья XVII в. составляет принадлежность в основном севернорусским говорам, а также среднерусским и в меньшей степени южнорусским.

8. Культурологическое значение проведенного исследования заключается в том, что полиаспектный анализ неисконной лексики в разговорной речи фронтирной зоны XVII в. позволил обнаружить результаты межкультурного (и межъязыкового) взаимодействия, выразившиеся в заимствовании определенных групп лексики, которая свидетельствовала о заимствовании культурном. Генетическая стратификация тематических групп неисконной лексики (названий тканей, военной лексики и др.) является отражением прежде всего культурно-исторических процессов. Культурное заимствование привело к заимствованию языковому. Динамика внешних источников пополнения лексики свидетельствует о связях русской культуры с соседними культурами аборигенов Сибири.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре русского языка Томского государственного университета (16.05.2008). Основные положения диссертации апробированы на 42 научных мероприятиях разного ранга (международного – 16, всероссийского – 14 , регионального – 12), в их числе:

международный съезд русистов (Красноярск, КГПУ, 1–4 октября 1997 г.), XIII международная научно-методическая конференция «Язык и культура» (Томск, ТГУ, 15–17 декабря 1997 г.), международная конференция «XXI Дульзоновские чтения: Вопросы грамматической и лексической типологии» (Томск, ТГПУ, июнь 1998 г.), II международная научная конференция «Язык в поликультурном пространстве: теоретические и практические аспекты» (Томск, ТПУ, 22–23 ноября 2002 г.), II–III международные научно-методические конференция «Лингвистические и культурологические традиции образования» (Томск, ТПУ, июнь 2002 г., 19–20 декабря 2003 г.), международные конференции «Методика преподавания славянских языков и литератур как иностранных с применением технологии диалога культур» (Томск, ТГПУ, 18–20 сентября 2003 г., 22 сентября 2006 г.), международная научная конференция «Актуальные проблемы русистики» (Томск, ТГУ, 21–23 октября 2003 г.), международная научная конференция «Актуальные проблемы русистики: языковые аспекты регионального существования человека» (Томск, ТГУ, 9–11 ноября 2005 г.), международная научная конференция «Актуальные проблемы современного словообразования» (Кемерово, КемГУ, 1–3 июля 2005 г.), международная научная конференция «Актуальные проблемы русской

диалектологии» (Москва, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 23–25 октября 2006 г.);

всероссийская научная конференция «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее» (Саратов, Сыктывкар, 1996), всероссийская научная конференция «Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности» (Томск, ТГПУ, 27–28 марта 1996 г.), всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии» (Томск, ТГУ, 27–29 марта 1998 г.), всероссийская научная конференция с международным участием «Текст и языковая личность» (Томск, ТГПУ, 26–27 октября 2007 г.), всероссийская научная конференция «Проблемы лингвистического краеведения» (Пермь, ПГПУ, 27–29 ноября 2007 г.);

первое и второе научные совещания «Русская диалектная этимология» (Екатеринбург, УрГУ, 10–12 октября 1991 г., 17–19 апреля 1996 г.), сибирская научная конференция «Проблемы развития творческого потенциала личности в системе педагогического образования» (Томск, ТГПУ, 27–29 ноября 1996 г.), региональная научная конференция «История и методика славянских языков как иностранных в Сибирском регионе» (Томск, ТГПУ, 24–25 марта 2005 г.), региональная научно-методическая конференция «Функциональный анализ значимых единиц русского языка» (Новокузнецк, КГПА, 27–28 сентября 2007 г.) и др.

По теме диссертации опубликовано 32 работы, в том числе 11 статей в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией для публикации результатов докторских диссертаций.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, основной части, включающей пять глав, заключения; перечня источников, словарей, литературы, использованных в работе, списка сокращений, приложений.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного сочинения, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи работы, ее новизна, теоретическое и практическое значение, характеризуется фактический материал, методы и приемы его изучения, излагаются основные положения, выносимые на защиту, указывается структура работы.

Первая глава диссертации «**Теоретические основы изучения неисконной лексики в русской разговорной речи XVII в.**» посвящена теоретическим проблемам контактологии и источниковедения, сопряженным с темой диссертации. В ней представлены степень научной разработки темы диссертации в лингвистике, основные аспекты исследования иноязычной лексики русского языка XVII в. в лингвистической литературе: хронологический, генетический, тематический, системно-семантический, словообразовательный, функциональный, синтаксический, культурологический (этнолингвистический), ареальный и др. В данной главе обосновывается возможность использования деловой письменности допетровской эпохи в

качестве источника реконструкции неисконной лексики для русской разговорной речи XVII в.

В обобщенное понятие *неисконная лексика* входит лексика неисконного происхождения, представляющая в структурном содержании словарного фонда говоров Среднего Приобья XVII в. все хронологические пласты, начиная с праславянского и общеславянского.

Понятие *иноязычная лексика* часто используется синонимично предыдущему, однако под ним понимается преимущественно лексика, транспонированная в древнерусский (восточнославянский) и русский язык в более позднее время, начиная с общевосточнославянского периода (X–XI вв.) и заканчивая XVII веком, то есть в письменный период истории русского языка.

Термин *заимствованная лексика* уточняет термин *иноязычная лексика* в аспекте освоенности: *заимствованная лексика* – адаптированная и ассимилированная в языке-реципиенте лексика иноязычного происхождения.

В понятие *западноевропейские языки* входят языки западной части территории Европы: английский, голландский, немецкий, фризский, французский, испанский, итальянский. К *западным* языкам в работе относятся западноевропейские, латынь и греческий, а также польский, украинский, белорусский и другие языки, распространенные западнее Руси XVII в.

В область исследования в данной работе не попадает лексика, заимствованная в русский язык из старославянского. Старославянизмы в русском языке подвергнуты тщательному изучению в работах А.М. Селищева (1951–1952), А.А Шахматова (1952), А. Вайана (1952), В.П. Бесединой-Невзоровой, Т.А. Ивановой (1977), Г.А. Хабургаева (1986), И.С. Улуханова (1974, 2004 и др.), А.М. Молдована (2003) Г.И. Климовской (2003), К.А. Тимофеева (2003), Д.Н. Шмелева, М.Л. Ремневой (2003), А.П. Майорова (2006) и мн. др. Как известно, ситуация диглоссии на Руси XI–XVII вв., заключающаяся в сосуществовании старославянского и собственно русского (древнерусского) языков в рамках одного государства, привела к тому, что старославянский язык, будучи языком церковной христианской письменности, лег в основу *книжно-литературного* русского языка (М.Л. Ремнева, 2003). Наше исследование посвящено языку повседневного общения*, разговорной* разновидности русского языка. «Разговорная речь Московской Руси в её сложном многообразии и развитии с XVI по конец XVII в. должна изучаться как предпосылка и глубокая основа национального языка – более существенная и определяющая, чем традиции книжнославянского языка, тоже сохранившиеся в нем поныне, однако в убывающей, а не возрастающей прогрессии» (Б.А. Ларин, 1977).

Западным языкам несколько условно противопоставляются *незападные*, под которыми мы понимаем языки русского севера и аборигенного населения Сибири: уральские, алтайские, палеоазиатские, – а также китайский (китайско-тибетской семьи языков), арабский (семито-хамитской семьи языков) и персидский, таджикский, армянский (индоевропейской семьи языков). В лингвистической литературе встречается объединение угро-финских и

тюркских языков в одну группу *восточных* языков-источников русских заимствований (Н.А. Кондрашов, 1992). Таким образом, разграничение в работе западных и незападных языков производится комплексно по территориальным (географическим) основаниям с учетом генеалогического родства языков.

В понятия *томская разговорная речь*, *томские деловые документы,* по мнению автора работы, включается соответственно разговорная речь, деловые документы, распространенные на территории Томского уезда XVII в. (современной Томской и части Кемеровской областей). К Томскому уезду относились Томский, Кетской, Нарымский, Кузнецкий остроги (З.Я. Бояршинова, 1950). Томская разговорная речь XVII в. рассматривается в диссертации как целостный *региолект* (языковой континуум определенного региона), характеризующийся общностью формирующейся лексической системы. По сведениям, полученным из анализа сибирских документов XVII в., поселенцы, возводившие сибирские крепости, прибывали в основном из одних и тех же материнских регионов метрополии и часто посылались из одного острога на строительство другого (В.В. Палагина, 1989, 2007; Л.А. Захарова, 1989, 2004). Исследование территориальных групп современных среднеобских говоров показало их типологическое единство, которое доказано на уровне фонетики, морфологии и частично синтаксиса (Русские говоры Среднего Приобья, 1985, 1989). В XVII в. были заложены основы типологического единства современных среднеобских говоров.

К *томским говорам XVII в.*, с нашей точки зрения, относятся говоры, распространенные на территории Томского уезда XVII в. Для обозначения разговорной речи населения Томского острога и прилегающих земель принят также термин *томский говор*, ср.: «Судя по составу первонасельников Томска и его окрестностей, томский говор не мог иметь монодиалектной основы» (В.В. Палагина, 2007).

В диссертации преимущественно используется понятие *разговорная речь*, а не *народно-разговорная речь* и не *народно-диалектная речь*, так как в круг источников включены памятники, написанные не только крестьянским населением, но и сибирскими воеводами и другими людьми, находящимися на достаточно высокой ступени социальной лестницы населения сибирского города и его окрестностей, в круг нашего внимания попадает не только регионально ограниченная (диалектная), но и общерусская лексика неисконного происхождения.

Вторая глава диссертации – «**Отражение диалога культур в процессе лексического заимствования (на материале томских деловых документов XVII в.)**». В ней на материале томской деловой письменности допетровской эпохи реконструируется корпус неисконной лексики в говорах Среднего Приобья XVII в. и выявляются тематические зоны межъязыкового взаимодействия, отразившиеся в неисконном фрагменте лексики томской разговорной речи XVII в.

В результате тематической классификации анализируемого фактического материала обнаружено тематическое разнообразие неисконной лексики, функционирующей в говорах Среднего Приобья XVII в., и выявлены следующие лексико-тематические группы:

1) военная лексика,

2) тканеобозначения,

3) бытовая лексика: названия посуды и домашней утвари (*бочка, кадь, короб, котел, кумгал, лагун, *ларь*[1], *мусат, торель, туюс, чаша, шкатула, шпанка* ‘игла’), обуви, одежды и ее частей (*башмак, калиги, коты, сапог, *уледи, чарки, чулок, чуни*; *азям, зипун, колпак, малахай, тулуп, ферезь, чекмень, шапка, штаны, шуба, чуга, японча*; *кушак, спень, тасма, татаур, *шнур* (**снур*), *шнурок* (*снурок*) и др.), культурных растений и продуктов их переработки (*анис, лук, лимон, *милдал* ‘миндаль’, *мушкат* ‘мускат’, *сандал, табак, фьялка, чай* и др.), пищевых продуктов (*арака* ‘спиртной напиток’, *изюм, тавлия, харч* и др.), веществ, используемых в быту (*купорос, медь, нашатырь, олифа, *спикидар* ‘скипидар’), построек и их частей (*анбар, кирпич, лабаз, мурь*(*я*), *слега, урундук, чердак, чувал* и др.), орудий наказания (*кнут, таволга*);

4) лексика торговли и мер (*алман, алтын, деньга, кабак, калым, купить, лабазна, товар, ярмарка, ясак*; *ансырь, бакша, бочка, дюжина, кипа, пара, пуд, фунт, юфть*);

5) названия украшений (*бирюза, буг(а), ентарь, жемчуг, изумруд, королек, *лал, мунчак, одекуй, серьга, тонпас, финиса, финифт, хрусталь, яхонт, яшма*);

6) названия людей по национальности и социальному положению (*поляк, браты* ‘буряты’, *гиляки* ‘нивхи’, *казак, калмак* ‘калмык’, *киргиз, чаты* ‘чатские татары’, *мугал* ‘монгол’, *самоеда* ‘самодийцы’, другие обозначения местных народов, племен и родов: *алтырцы, долгирцы, кутугирцы, кучегуты, маты, матцы*, *маймаканцы, макагирцы, орчаки, чавуралы, чолкогирцы, чулюгильцы*, *шамагири* и др.; *башлык* ‘служилый человек из аборигенного населения Сибири’, *катун*(*я*) ‘титул женщины в феодальной Монголии’, *контайша* ‘монгольский титул’, *кутукта* ‘верховное духовное лицо у мусульман’, *лаба* ‘буддийский монах в Тибете’, *ланза* ‘титул в феодальной Монголии’, *табун* ‘глава татарской волости’, *тайша* ‘титул у некоторых местных народов Сибири’, *киштым* ‘данник’, *князь, мастер, царь, шляхта* ‘мелкое дворянство в Польше’и др.);

7) промысловая лексика: охоты, звероловства и кожевенного дела (*барсук, ирбиз, каир, камас, корсак, кыс, манул, мерлужка, морж, ровдуга, росомаха, сафьян, *сур, таган, тогуш, толом(я) ушкан, пальма, чукрей*), рыболовства и судоходства (*каюк, кета, кумка, морда, муксун, нельма, чалбыш, урак*; *бечева, коч, тиска* ‘ковер из бересты для покрытия лодок’, *шогла, шняка*), собирательства (*кандык, курлук, сарана, хмель*);

[1] Под звездочкой даны языковые единицы, реконструированные в качестве производящих слов на основе зафиксированных в томских деловых документах XVII в. дериватов.

8) лексика животноводства (коневодства): *аркан, буланый, игрень, ишак, катырь, коур, саврас, табун* ‘стадо’, *чал*;

9) обозначения ландшафта (*буерак, булак, елань, карш(а), курья, сакма, шлях, яр*);

10) религиозная лексика: *шайтан* (*шейтан*), *шаман, шишига*;

11) названия поселений (*кош, улус, юрт*);

12) единичные слова других тематических групп (*верблюд, кошма, книга, польской, тамга, шерть, шкода* и др.).

На основе зафиксированных в томских деловых документах XVII в. дериватов реконструированы в качестве производящих слов иноязычные единицы **гарус, *изумруд, *лал, *ларь, *милдал, *спикидар, *сур, *уледи, *шнур* (**снур*).

В разговорной речи среднеобского пограничного языкового континуума XVII в., послужившей основой для формирования среднеобского диалекта, функционировало значительное количество неисконной лексики, в структурном содержании которой отразилось взаимодействие славянской культуры с западной и восточной. Лексико-тематическая классификация неисконных номинаций способствует выявлению зон инокультурного влияния в процессе формирования русской региональной картины мира. Репрезентация тематических групп иноязычной лексикой отражает источники и специфику формирования лексико-семантической системы в начальный период становления русского национального языка и диалектов позднего образования, к которым относятся среднеобские говоры. Унаследованные от материнских говоров досибирские заимствования, а также иноязычные слова сибирского периода тематически связаны с особенностями существования русских переселенцев в Сибири.

- Активное функционирование в томской разговорной речи XVII в. <u>военной лексики</u> детерминировано экстралингвистическими факторами регионального характера: главной целью освоения Сибири было расширение границ Московской Руси и охрана завоеванных рубежей.

В составе военной лексики неисконного происхождения западные заимствования составляют около 66 %, а восходящие к уральским, алтайским и др. языкам – примерно 34 %.

Военная лексика западного происхождения, реконструированная для томской разговорной речи XVII в. по памятникам деловой письменности, разнообразна в семантическом отношении. В тематической группе «Военное дело», имеющей иерархическую структуру, в наибольшей степени репрезентированы номинациями западного происхождения тематические подгруппы: «Воинское снаряжение» (*збруя, мушкет, пансырь, пистолет, протазан, пушка* и др.) и «Воинские должности и звания» (*полковник, прапорщик, рейтар, ротмистр, солдат* и др.). Названия огнестрельного оружия, заимствованные из языков Западной Европы, отражают источники вооружения служилых людей сибирских острогов.

Неисконная военная лексика, вошедшая в русские говоры среднеобского фронтира в сибирский период, на 80 % транспонирована из западных языков: из германских (*карабин, пистолет, рота, фурма*), романских (*колобарда* (*колобард*), польского (*полковник, протазан, рейтар*), белорусского (*мушкет*). 20 % неисконных военных номинаций сибирского периода имеют тюркское происхождение (*аманат* ‘заложник-абориген’, *пальма* ‘вид копья’, *ясырь* ‘пленник-абориген’).

Сравнительный анализ военной лексики западного и уральско-алтайского происхождения в томских деловых документах XVII в., заимствованной в сибирский период, позволяет сделать вывод о том, что военный строй томских служилых людей был организован преимущественно по западному образцу и испытал крайне незначительное влияние военного опыта автохтонного населения.

В томских говорах XVII в., функционировавших в регионе сибирского фронтира, где возрастает коммуникативная актуальность военной лексики, наблюдается тенденция к терминологизации заимствований (*полковник*), филиация семантики общерусских военных номинаций, отражающая региональную специфику русских говоров Среднего Приобья XVII в. (*куяк, ясырь* и др.)

- Тканеобозначения в томских деловых документах XVII в. в значительной степени представлены единицами неисконного происхождения, что отражает общерусскую тенденцию: ткани – один из видов привозимых из заграницы товаров, доставляемых в Сибирь в качестве жалованья служилым людям. Тематическая группа «Ткани» на 64% репрезентирована лексикой иноязычного происхождения; из 63% неисконных компонентов тематической подгруппы «Шерстяные ткани» к западноевропейским языкам восходит 58%, 5,3% тюркизмов, 31,5% слов исконно русского происхождения. Тематические подгруппы шелковых и хлопчатобумажных тканей в основном состоят из неисконных номинаций (соответственно на 100% и 88 %). 67% слов тематической подгруппы «Льняные ткани» исконно русского происхождения. Таким образом, номинации иноязычного происхождения доминируют в названиях шерстяных, шелковых и хлопчатобумажных тканей, названия же льняных тканей в основном исконно русские.

Денотативный аспект анализа семантической структуры неисконных тканеобозначений приводит к обнаружению особенностей смысловой структуры лексических единиц иноязычного происхождения на фоне исконно русской лексики: тканеобозначения неисконного происхождения актуализируют те компоненты лексического значения, которые указывают: а) на зарубежное происхождение ткани: *аглинское, настрафиль* – ‘изготовленные в Англии’, *лундыш* – ‘лондонская (ткань)’, *анбурские* (сукна) – ‘гамбургские’; ‘азиатские, восточные (ткани)’ – *изуфрь, дараги (дороги), зендень, киндяк,* ‘бухарская (ткань)’ – *кутня*; ‘китайская’ – *камка, китайка*; ‘персидская (ткань)’ – *фарабат* [семантический множитель ‘домашнего изготовления’ характерен для исконно русских наименований тканей: *сермяга,*

хрящ, крашенина и др.], б) особенности колористического оформления материи или технологии создания набивного узора (*киндяк*), узора в виде полос (*дороги, кутня*), разводами (*камка*) и др. [исконно русские названия тканей характеризуются дифференцирующим семантическим компонентом ‘неокрашенные’ или ‘окрашенные в домашних условиях’], в) особенности технологии создания лицевой поверхности тканей за рубежом: ‘начесная’ (сукно *аглинское, анбурское, кармазин, лундыш, настрафиль, скорлат, яренк*), ‘ворсовая’ (*трип, бархат*). Таким образом, в семантической структуре тканеобозначений неисконного и исконно русского происхождения находит выражение категория *чужой – свой.*

Иноязычные номинации тематической группы промысловой лексики заимствованы преимущественно из алтайско-уральских языков.

Тематическая общность иноязычных номинаций, транспонированных в сибирский период из западных и уральско-алтайских языков, представлена сферой товарно-денежных отношений (торговля, метрология, товары, налоги). Тематическая специфика сибирских заимствований западного происхождения связана преимущественно с военным делом, уральско-алтайского – с промыслами местного населения (охотой, рыболовством, собирательством) и обозначением сибирских неславянских народностей, племен и их представителей.

Третья глава «Неисконная лексика разговорной речи Среднего Приобья XVII столетия в аспекте хронологии и источников заимствования» представляет хронологическую и генетическую стратификацию неисконной лексики в говорах Среднего Приобья XVII в.

Впервые обобщенные в таблицах (помещенных в Приложении к диссертации) сведения по хронологии и источникам заимствования всего корпуса неисконной лексики, реконструированной для разговорной речи Среднего Приобья XVII в., позволили произвести ее классификацию по данным основаниям и выявить два хронологических пласта: заимствования досибирского и сибирского периодов истории среднеобских говоров. Под заимствованиями досибирского периода в истории среднеобских говоров (досибирскими заимствованиями) понимается неисконная лексика, заимствованная в материнские говоры до XVII в. и вошедшая в их составе в говоры Среднего Приобья. К заимствованиям сибирского периода (сибирским заимствованиям) относится иноязычная лексика, транспонированная в говоры среднеобского бассейна в XVII в.

Первый раздел третьей главы – «**Стратификация досибирских заимствований в говорах приобского региона XVII в.**». Иноязычная лексика досибирского периода характеризуется генетическим и хронологическим разнообразием. В составе неисконного фрагмента лексики, заимствованной русским языком в досибирский период, выделяются две группы:

1) лексика западного происхождения, вошедшая в русский язык из греческого, латинского, германских (готского, немецкого, голландского,

шведского, исландского), романских (французского, итальянского, испанского, румынского), литовского, польского и украинского языков;

2) заимствования из алтайских (тюркских, монгольских), уральских (финно-угорских, самодийских), китайского, персидского, армянского и других языков. Каждой из этих групп посвящены отдельные параграфы в названном разделе. Хронологическая стратификация досибирских заимствований, реконструированных для русской разговорной речи среднеобского фронтира XVII в., также подчеркивает их разнородность; каждый последующий хронологический пласт лексики характеризуется бóльшим количественным наполнением по сравнению с предыдущим.

Во <u>втором разделе</u> третьей главы «**Генетическая стратификация иноязычной лексики сибирского периода вхождения в томские говоры XVII в.**» установлено, что состав неисконной лексики <u>сибирского</u> периода существования среднеобских говоров (XVII в.) отражает начальную стадию формирования пограничного региолекта, соединившего и преобразовавшего в себе как европейскую, так и азиатскую культуры. К сибирскому пласту неисконной лексики относятся номинации западного происхождения, поступающие в томские говоры через материнские из германских (*аглинское, анбурское, дюжина, карабин, коч, пистолет, рота, *снур, снурок, стамед, фурма, ярмарка, бумазея*), романских языков (*колобарда, пистоль, трип, табак*), а также польского (*лядунка, пара, полковник, польской, поляк, протазан, рейтар, *спикидар, фьялка, шкатула, *шнур, шнурок, шпанка*), белорусского (*мушкет*) и греческого (*лагун, тавлия, тонпас, финиса, финифт*).

В томских говорах XVII в. возникли благоприятные условия для <u>островного влияния польского языка</u>, проникновения и сохранения в них полонизмов, о чем свидетельствуют а) ранние фиксации полонизмов в русской письменности, связанные с томскими деловыми документами XVII в.: *спикидарной* – Томск, 1627 г., а по данным Картотеки СлРЯ XI–XVII вв., словосочетание «масло спикинардное» употреблено в Материалах по истории медицины в 1661 г. (П.Я. Черных 2: 169); б) семантические и фонетические особенности полонизмов, функционирующих в говорах Среднего Приобья XVII в., «опережающие» общерусские тенденции на раннем этапе освоения иноязычных неологизмов (*шкатула, шнурок*). Слово *шкатула* употреблено в томских документах 1627 г. в значении ‘коробка, ящичек для хранения ценностей’, близком семантике польскому прототипу szkatuła ‘коробка’ (М. Фасмер 4: 447) в отличие от семантики русского *шкатула*, по данным П.Я. Черных, впервые употребленном в русской письменности в 1627 г. в значении ‘царская сокровищница’ (П.Я. Черных 2: 415). «И он де ОндрЂи тоЂ челобитную и явку положил к себЂ в *шкатулу*...», Томск, 1627 г. (РГАДА, ф. 214, стб. 181, л. 204). Полонизм *шнурок* с начальным *ш-*, близкий по фонетическому облику польскому sznur, sznurek (М. Фасмер 4: 462), зафиксирован в томских деловых документах 1640 г.: «...шнурки шолковые мишура...» (П.Г. Головачёв: 147), в то время как в материнских говорах, начиная со Словаря Р. Джемса 1618–1619 гг., известна форма *снюрок*,

восходящая к скандинавскому snuor ‘то же’, а формы с начальным *ш-*, по данным П.Я. Черных, зафиксированы в русских памятниках со второй половины XVIII в. (П.Я. Черных 2: 419).

Отличительной особенностью процесса заимствования в сибирский период, отразившегося на лексическом строе деловых документов приобского региона XVII в., становится проникновение в разговорную речь русского населения сибирского фронтира лексики из тунгусо-маньчжурских и самодийских языков, представленной единичными номинациями среди досибирских заимствований, а также увеличение количества заимствований из местных сибирских монгольских языков и диалектов. Для говоров Среднего Приобья XVII в. ведущим языковым влиянием является тюркское.

Генеалогическая конкретизация тюркизмов позволила прийти к выводу о том, что среди тюркских заимствований сибирского периода существования русских переселенческих говоров Среднего Приобья (XVII в.) увеличивается процентное содержание восточно-тюркских элементов. В XVII в. для данного региолекта ведущим является языковое влияние татарских языков и диалектов.

Сибирские деловые документы XVII в. дают возможность внести хронологические коррективы, уточнить время первой фиксации отдельных заимствований в русских письменных памятниках: иноязычных слов западного происхождения и/или их производных (*пистолет, спикидарной, трип, шкатула, шнурок*); иноязычных лексем уральского, алтайского, китайского и др. происхождения (или их дериватов), имеющих в XVII в. общерусское распространение (*елань, калмак, караулить, киргиз, нашатырь, таборы, тунгус, чай, ясырь*); локально ограниченных лексических единиц тюрко-монгольского происхождения (*браты, каир, кандык, контайша, кутукта, тайша, тиски, тогуш, чувал*).

Томские рукописи XVII в. иллюстрируют ранние употребления сибиризмов, не зафиксированных в исторических словарях других регионов: *багасары, кучегуты, орчаки, катун*(*я*), *урак* ‘сушеная рыба’. Данные хронологические коррективы имеют источниковедческое значение.

Четвертая глава «Ассимиляция неисконной лексики, функционирующей в русских среднеобских говорах начального периода их формирования» состоит из четырех разделов, представляющих различные аспекты анализа ассимиляции неисконных номинаций в русском языке и его говорах.

В работе разграничиваются понятия *адаптация* и *ассимиляция.* Адаптация (лат. *adaptatio* ‘приспособление, прилаживание’) – формальное, т.е. фонетическое и морфологическое, освоение иноязычной лексемы принимающим языком. Формальное *приспособление* иноязычного слова к фонетическим нормам, а также включение лексемы в морфологические парадигмы заимствующего языка еще не означает, что данное слово полностью освоено языком, органически вошло в его лексико-семантическую систему. Ассимиляция (лат. *assimilatio* ‘уподобление, отождествление’) – семантическое, словообразовательное, синтаксическое,

функциональное освоение заимствования языком-реципиентом. Если иноязычное слово стало базой для образования дериватов, словообразовательных цепочек и словообразовательного гнезда, если оно имеет устойчивое изменившееся (по сравнению с языком-источником) или не изменившееся, но устойчивое в новой языковой системе лексическое значение, обладает определенным и разнообразным набором лексических валентностей, вступает в синонимические, антонимические, родовидовые и другие парадигматические отношения с лексическими единицами принимающего идиома, – то есть если налицо признаки семантической, словообразовательной и синтаксической освоенности иноязычного слова, то оно, следовательно, является полноправным членом словаря данного языкового континуума, полностью *уподобилось* по своим свойствам исконным элементам его лексико-семантической системы. В данной диссертации изучается *ассимиляция* неисконной лексики в формирующейся системе говоров среднеобского бассейна XVII в. на лексическом, словообразовательном и синтаксическом уровнях. Фонетические и морфологические особенности заимствований данного регионалекта учтены в классификации локально ограниченной лексики Сибири.

В первом разделе четвертой главы «**Итоги семантической ассимиляции неисконной лексики в говорах Среднего Приобья XVII в.**» с учетом общих логических отношений между понятиями выявлены итоги семантической ассимиляции, характерные для иноязычной лексики, представленной в томских деловых документах XVII в.

Процессы семантической ассимиляции иноязычных слов, заимствованных русской разговорной речью жителей Среднего Приобья в сибирский период, подпадают под языковые универсалии, характерные для семантических преобразований. В итоге семантической ассимиляции неисконной лексики в русском языке представлена следующая типология отношений семантики иноязычного слова со значением его иноязычного прототипа: семантическое тождество заимствования и его иноязычного прототипа; специализация лексического значения заимствования; абстрагирование/расширение смысла лексемы-прототипа; изменение (усложнение или упрощение) структуры лексического значения; трансформация лексического значения неисконной номинации в языке-реципиенте, проходящая по типу метонимического или метафорического переноса.

В итоге семантической ассимиляции большинства иноязычных слов сибирского периода вхождения в русские говоры среднеобского региона денотативная семантика русского слова остается тождественной значению его иноязычного прототипа. Такова специфическая черта процесса заимствования неисконных номинаций сибирского периода в сравнении с досибирскими заимствованиями, которая свидетельствует о том, что русский регионалект среднеобского пограничья воспринял в значительной степени без изменения языковую информацию как западной, так и восточной культур, актуальную для русских первонасельников сибирского края. Изучение итогов семантической

ассимиляции неисконной лексики в русском языке и его говорах позволяют сделать вывод о закономерностях семантических трансформаций при переходе лексического материала из одной языковой системы в другую и выявить типологию данных преобразований на примере семантически близких слов разных языков в составе лексико-тематической группы, дающие возможность предложить этимологию заимствований.

Конкретизация семантики иноязычных прототипов, происходящая в процессе их освоения русскими говорами, связана с необходимостью терминологизации русского языка на стадии формирования национального языка как общерусской тенденцией.

Семантические преобразования ассимилирующейся в сибирских говорах неисконной лексики имеют регионально специфический характер и обусловлены особенностями существования русского языкового континуума среднеобского пограничья, отражающими региональные черты жизни и деятельности насельников Сибири, и в том числе Среднего Приобья.

Приобретение заимствованиями сибирского периода регионально специфических оттенков значения происходит в результате конкретизации семантики, расширения смысла, метафорического и метонимического переносов и др. Семантическая ассимиляция общерусских иноязычных слов сибирского периода заимствования нередко имеет свои особенности в сибирских говорах, и в том числе говорах Среднего Приобья.

Выявление динамики значений, *семантических типологий* является особенно результативным на материале целых лексико-семантических групп и широкого круга языков (О.Н. Трубачев, 1988; В.Н. Топоров, 2005). С другой стороны, и этимология отдельного слова, включенная в общую типологическую схему преобразования значения, представляется более убедительной. Использование приема семантической типологии позволило предложить и обосновать этимологии слов *фарабат* ‘сорт шелка персидского производства’ и *шлях* ‘дорога’ (см. также Л.В. Куркина, 1971; Г.М. Шатров, 1985).

Во втором разделе четвертой главы «**Словообразовательное освоение заимствований в разговорной речи среднеобского фронтира допетровской эпохи**» решается проблема деривационного потенциала неисконной лексики.

Неисконная лексика, входя в систему русского языка, испытывает на себе влияние его словообразовательного уровня. Деривационная активность иноязычных слов свидетельствует о глубине их словообразовательной ассимиляции. Для выявления прочности ассимиляции заимствований в принимающем идиоме в диссертации использован комплекс словообразовательных критериев: 1) морфемно-словообразовательное оформление иноязычных слов; 2) разноступенчатость деривации их производных, а также многозначность дериватов; 3) образование производных путем семантической и синтаксической деривации, развитие у них фразеологически связанных значений; 4) воздействие на заимствованные слова деривационного поля русского языка. Под воздействием деривационного поля

на иноязычные слова понимается влияние активных процессов словопроизводства в принимающем языке на деривационный потенциал заимствований – их способность к продуцированию производных. Воздействие на заимствованные слова деривационного поля языка-реципиента выражается в том, они попадают под влияние продуктивных словообразовательных категорий – совокупности производных слов с разными формантами, мотивированных словами одной части речи и имеющих одно и то же общее словообразовательное значение, распадающееся на частные словообразовательные значения; 5) степень морфемной членимости иноязычных слов; данный критерий впервые применен для определения высокой степени ассимиляции заимствований в русской разговорной речи среднеобского фронтира XVII в.

Словообразовательный уровень языка является менее проницаемым для иноязычного влияния по сравнению с его лексической системой. Деривационная активность неисконной лексики подчиняется продуктивным процессам словообразовательной системы языка-реципиента. Однако функционирование говоров Среднего Приобья в условиях изоляции от материнских говоров в XVII в. привело к тому, что языковой континуум среднеобского пограничья приобрел по сравнению с материнскими говорами специфические черты, касающиеся деривационного потенциала *досибирских* заимствований, вошедших в томскую разговорную речь из говоров российской метрополии. Об этом свидетельствуют: а) отдельные заимствования, не имеющие производных в материнских говорах и проявляющие свою деривационную активность в разговорной речи Среднего Приобья XVII в. (*капкан*); б) дериваты, не зафиксированные в речи на европейской территории Московской Руси XVII в. (*бирюсковой, изумрудцовой, капканщик, поскупить, сандалинной, улусишной, хмелевье, юхотной; по-юртовски, по-киргизкие* и др.); в) семантические, лексико-семантические и фонетико-семантические варианты общерусских лексем, образованных на базе заимствованных слов (*кирпичной* ‘умеющий класть кирпичи’, *кирпищик* ‘печник’; *князец* ‘глава небольшого племени, области’, *купленой* ‘подкупленный’; *куятной* ‘одетый в куяк’ и т.д.); г) дериваты, свидетельствующие о продуктивности отдельных словообразовательных типов, характеризующихся особыми частными словообразовательными значениями, не распространенными в говорах метрополии (‘лицо, названное по орудию деятельности’: *капканщик, кирпищик*; ‘деятельность по добыче чего-л.’: *хмелевье* и др.).

Неисконные номинации *сибирского* периода вхождения в томские говоры подвергаются словообразовательной ассимиляции по тем же параметрам, что и досибирские заимствования. Около 30 % иноязычных слов (из 62 лексических единиц) томской разговорной речи XVII в., заимствованных в сибирский период из уральско-алтайских и других незападных языков, продуцируют дериваты, причем наибольшую активность в этом отношении проявляют тюркизмы. Среди деривационно активных слов незападного происхождения

преобладают названия представителей аборигенного населения, главным образом этнонимы (*калмак, киргиз, тунгус, саяны, бухаретин, чаты, киштым*), названия поборов (*алман, ясак*), промысловая лексика (*кандык, тогуш, чукрей*). Лишь 11 % иноязычных лексем западного происхождения, вошедших в русский язык в сибирский период, активны в деривационном отношении (4 лексические единицы из 35) и представляют преимущественно бытовую лексику (*лагун* – лагунец, *спикидар* – спикидарной, *табак* – табачной, табатчик; *рейтар* – рейтарской).

Сравнительный анализ деривационного потенциала сибирской лексики, заимствованной из разных источников, позволяет сделать вывод о том, что словообразовательная ассимиляция тюркизмов в сибирских говорах XVII в., характеризуясь высшей степенью коммуникативной актуальности, протекает с большей интенсивностью, нежели слов, вошедших из других языков. Данное положение обусловливается тем, что ассимиляция тюркизмов в русских говорах поддерживается непосредственными контактами носителей русского языка с местным тюркским населением сибирского фронтира XVII в.

В третьем разделе четвертой главы «**Функциональная эквивалентность неисконной лексики в текстах томской деловой письменности XVII в.**» выявляется наличие/отсутствие по отношению к неисконным номинациям конкурирующих единиц в системе принимающего языкового континуума. Важным показателем ассимиляции неисконной лексики в принимающей языковой системе является отсутствие в ней полных эквивалентов (дублетных наименований) по отношению к заимствованным словам.

Под функциональной эквивалентностью слов иноязычного происхождения понимается способность данных номинаций употребляться в речи на месте других единиц лексико-семантической системы данного языкового континуума.

Разграничение безэквивалентных и эквивалентных неисконных наименований осуществляется в диссертации прежде всего по *синтагматическим* основаниям, с точки зрения особенностей их функционирования в речи (тексте) – с позиции их взаимозаменяемости в одном и том же контексте без изменения смысла целого. Данный подход сопряжен со вниманием к *парадигматическим* характеристикам неисконных лексем и их эквивалентов в сигнификативном, прагматическом и денотативном аспектах.

К безэквивалентным наименованиям среди иноязычной лексики относятся такие слова, которые не имеют в текстах письменных памятников XVII в. функциональных эквивалентов. Необходимость разграничения первичных и вторичных номинаций среди неисконной лексики связана с тем, что первичные номинации обладают большей жизнеспособностью и легче усваиваются в системе принимающего языка. Квалификация иноязычных лексем как первичных или вторичных номинаций производится в денотативном аспекте.

Под первичными номинациями, вслед за Э.В. Кузнецовой (1989, понимаются единицы, для которых в языке не существует дублетов, исконно русских или ранее заимствованных, имеющих идентичную денотативную

соотнесенность. Первичные номинации служат для наименования реалий, ранее неизвестных и/или не имевших названий в языке. Все безэквивалентные наименования являются первичными номинациями: *аманат, каир* ‘мускус, получаемый из подбрюшной сумочки бобра’, *камыс, кыс, морж, мурь*(*я*) ‘отверстие для дыма в юртах аборигенов’, *нашатырь, олифа, парус, тиски, чувал* ‘очаг, примитивная печь, сооружаемая в юртах аборигенов’, *шейтан* и др.

Вторичные номинации именуют уже обозначенные ранее предметы и явления, денотативный компонент их лексического значения находится в отношении тождества с денотативным смыслом исконных или заимствованных в предыдущее время слов.

Эквивалентные иноязычные наименования составляют слова, по отношению к которым в языке-реципиенте существуют функциональные эквиваленты, исконно русские или ранее заимствованные, способные выполнять аналогичную семантическую функцию в речи (тексте). Аналогичность семантической функции слов в определенном тексте понимается как их соотнесенность с одним и тем же денотатом в пределах данного текста.

Среди эквивалентных наименований центральное место занимают вторичные номинации, которые именуют уже обозначенные ранее в языке реалии и понятия. Вторичные номинации имеют аналоги в языке-реципиенте и вступают с эквивалентными словами принимающего языка, исконными или заимствованными в предыдущее время, 1) в *дублетные* отношения, 2) в отношения *ареальной* или 3) *эмотивно-экспрессивной* синонимии.

Исследование функциональной эквивалентности лексики иноязычного происхождения помогает установить закономерности функциональной ассимиляции заимствований в принимающем языке, лингвистические причины укоренения неисконных номинаций на почве языка-реципиента.

В результате анализа языка томских деловых документов XVII в. в аспекте функциональной эквивалентности неисконной лексики выявлено два пласта лексики неисконного происхождения: безэквивалентная (12,8 %) и эквивалентная (87,2 %). Безэквивалентные неисконные наименования репрезентируют предметы и понятия, заимствованные из жизни других этносов и неизвестные ранее носителям русского языка и его среднеобских говоров. Это бытовая, промысловая, религиозная лексика (*чувал, тиски*; *парус, саадак – сайдак*; *шейтан* и др.). Безэквивалентная неисконная лексика, не испытавшая конкуренции со стороны исконных или ранее заимствованных единиц лексико-семантической системы русского языка, большей частью была ассимилирована принимающим языковым континуумом и сохранилась в последующие эпохи развития русского языка. Исключение составили обозначения потерявших коммуникативную актуальность понятий – историзмы (*саадак – сайдак, каир*). Эквивалентная лексика иноязычного происхождения в процессе перехода из одной языковой системы в другую испытала на себе влияние своих функциональных эквивалентов. Характер данного влияния зависит от тех

смысловых отношений, в которые вступают неисконные лексемы с их эквивалентными наименованиями языка-реципиента.

Анализ функциональной эквивалентности номинаций неисконного происхождения позволил выявить типологию отношений иноязычных слов и их аналогов (функциональных эквивалентов), а также представить неисконную лексику каждого типа с точки зрения особенностей номинации (как первичные или вторичные номинации).

1. Безэквивалентные наименования – первичные номинации (12,8 %).
2. Эквивалентные наименования – вторичные и первичные номинации (87,2 %).
   - 2.1. Синонимы абсолютные (дублеты) – вторичные номинации (1,3 %).
   - 2.2. Синонимы идеографические – первичные номинации (37,3 %).
   - 2.3. Гипонимы – первичные номинации (36,7 %).
   - 2.4. Синонимы ареально (локально) дифференцированные – вторичные номинации (5 %).
   - 2.5. Синонимы эмотивно-экспрессивные (коннотативные) – вторичные номинации (2 %).
   - 2.6. Синонимы комбинированного типа: ареально-семантические, коннотативно-семантические и ареально-коннотативно-семантические – первичные номинации (4,9 %).

В томских деловых документах XVII в. статус первичных номинаций был присвоен 91,7 % лексем от общего количества неисконных апеллятивов, а статус вторичных номинаций – 8,3 % лексем. Заимствования – первичные номинации – «делают возможным аутентичное воспроизведение иного, не характерного для данного социума образа жизни с присущими ему специфическими реалиями» (В.Н. Немищенко, 2002): (*анис, атлас, бархат, бумага, верблюд, гайтан, алман, арака, куяк, милдал, мушкат, перец, тиски, чувал* и др.). Данные заимствования при коммуникативной актуальности обозначаемых ими понятий быстро ассимилируются в языке-рецепторе.

Для усвоения в принимающем языке неисконных вторичных номинаций нужны дополнительные условия. Из иноязычных вторичных номинаций труднее всего усваиваются в языке-реципиенте дублетные наименования. Терминологизация речи за счет заимствований обусловлена предпочтением к специальной лексике с затемненной внутренней формой, с непрозрачным для носителей языка-рецептора внутренним строением и внутренней формой (*караул* – сторóжа).

Ассимиляция иноязычных лексем, являющихся вторичными номинациями, возможна в случае их дифференциации с исконно русскими или ранее заимствованными эквивалентами по ареальной маркированности или по эмотивно-экспрессивной окраске. В последнем случае происходит нейтрализация избыточной эмотивности эквивалентной единицы лексико-семантической системы принимающего языка при помощи заимствованного слова (*чалбыш* – осетрик).

Приходя к выводам относительно характеристики функциональной эквивалентности иноязычной лексики, вошедшей в русские говоры Среднего Приобья в сибирский период, важно отметить следующее.

1. Абсолютное большинство иноязычной лексики, пополнившей разговорную речь жителей Среднего Приобья XVII в., является первичными номинациями, не имеющими дублетов и выполняющими денотативную функцию в складывающейся системе говоров данного фронтира.

2. Безэквивалентные заимствования, являясь первичными номинациями, служащими для наименованиями новых коммуникативно актуальных предметов и явлений, не испытывают конкуренции со стороны иных лексем, исконно русских или ранее заимствованных, что облегчает процесс их ассимиляции в языке-акцепторе. Абсолютное большинство единиц данной группы было заимствовано русским языком и сохранилось вплоть до XIX–XXI вв. в русском литературном языке и его говорах.

3. Возникающее на ранних этапах заимствования смысловое тождество (дублетность) иноязычных номинаций преодолевается в говорах Среднего Приобья путем семантической дифференциации лексем (*алман – ясак*).

4. Неисконные номинации, выполняющие идентичную семантическую функцию в речи, вступают в дублетные отношения со словосочетаниями и таким образом оправдывают свое существование в языковом континууме, служа для замены словосочетаний однословными наименованиями (*снурок, шнурок – пояс литовской; шкатула – коробка немецкая*).

5. Отличительной особенностью эквивалентности неисконных номинаций, вошедших в русскую разговорную речь среднеобского фронтира в XVII в., по сравнению с эквивалентными свойствами более ранних заимствований являются их дублетные отношения (хотя и в единичных случаях) с другими лексическими единицами, транспонированными в одно и то же время из разных языков (тюркизм *мунчак* и заимствование из ненецкого языка *одекуй*;), а также отношения абсолютной эквивалентности, возникающие между вариантами, имеющими один и тот же язык-источник, но вошедшие в русский язык при участии разных контактирующих языков (*пистолет* – из немецкого и *пистоль* – из французского). Иноязычные неологизмы XVII в. вступают в отношения полной семантической эквивалентности с заимствованиями досибирского периода (*табун,* XVII в. – *мурза*, XIV в.). Конкуренция между дублетными иноязычными словами приводит к затуханию употребления одного из них или к семантической дифференциации (*алман – ясак*).

В итоге можно заключить, что бóльшая часть неисконных номинаций, функционирующих в текстах деловых документов Среднего Приобья XVII в., не вступает в дублетные отношения с исконными или ранее заимствованными единицами принимающего языка и, следовательно, заполняя определенные лакуны в лексико-семантической системе сибирского говора, не относится к избыточным языковым средствам, что оказывается фактором, обеспечивающим интенсивность процесса ассимиляции заимствований.

В четвертом разделе четвертой главы «**Лексико-грамматическая валентность неисконной лексики в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII века**» изучается лексико-грамматическая валентность слов неисконного происхождения как один из показателей процесса ассимиляции заимствований в принимающем языковом континууме. Анализ синтагматики иноязычных слов в языке-реципиенте наименее разработан в лингвистической литературе по сравнению с фонетическим, морфологическим, семантическим, словообразовательным аспектами изучения освоения заимствований.

В результате разработанной методики анализа лексико-грамматической валентности неисконной лексики введено понятие ***индекса валентности*** неисконных номинаций – числовой характеристики слова, учитывающей все типы валентности (активную и пассивную; обязательную и факультативную; субъектную, предикативную, атрибутивную, объектную, обстоятельственную, комплетивную), реализованные в сочинительных и предикативных сочетаниях словоформ и подчинительных словосочетаниях, с учетом разнообразия синтаксической семантики неисконных номинаций, частеречной принадлежности дополняющих их компонентов, а также способов и средств связи иноязычного слова с другими словами. Схема анализа лексической валентности, предложенная В.Г. Гаком (1998), дополнена

- характеристикой синтаксической функции и грамматической семантики иноязычного слова, реализующего валентность, поскольку способность брать на себя те или иные функции в словосочетании и предложении, разнообразие этих функций является, на наш взгляд, одним из параметров синтаксической ассимиляции в рамках лексико-грамматической; внимание к синтаксической функции и семантике заимствования является крайне важным, особенно в том случае, когда иноязычная номинация демонстрирует предикативную валентность в составе предикативного сочетания словоформ (грамматической основы предложения) и может выражать как семантический субъект, так и семантический объект (ср., например, предикативную валентность заимствований *лаба* ‘монах-священник у буддистов’ и *тунгус*, в рамках которой может быть реализована семантика заимствования как субъекта, так и объекта действия в составе предикативного сочетания словоформ: *лаба прислал – посылан был лаба*, *тунгусы кочуют – посланы тунгусы* и др.); кроме этого, бывает необходима конкретизация грамматической семантики заимствования по характеру атрибута, объекта, обстоятельства в том случае, если иноязычная номинация является зависимым членом в подчинительном словосочетании, проявляя пассивную валентность (например, при выявлении особенностей обстоятельственной пассивной валентности иноязычных этнонимов сибирского фронтира XVII в. отмечается частота их функционирования в обстоятельственных словосочетаниях в пространственном значении: *посылан был в орчаки*. «Посылан былъ ис Томсково снъ боярскои Петръ Сабанскои да толмак Федка Федоров с служилыми людми *в орчаки* ко князцом к Коготэю да к братям иво к Могонаю

Кокшекову да к Букою Отчектову…», Томск, 1647 г. (РГАДА, ф. 214, ед. хр. 381, л. 246);

- анализом типа синтаксической связи иноязычного слова с другими компонентами словосочетания или сочетания словоформ (сочинительная, подчинительная, комплетивная и т.д.), а также средств связи (предложная, беспредложная, порядок слов и т.д.); данный аспект позволяет выявить разнообразие синтаксических и морфологических средств выражения синтаксической семантики, возникающей в процессе функционирования иноязычных единиц в потоке речи.

Индекс валентности слов неисконного происхождения определяется в работе с учетом всего возможного разнообразия перечисленных параметров лексико-грамматической валентности, то есть семантической валентности иноязычной лексемы и морфолого-синтаксических средств ее выражения в аспекте ассимиляции. «Различие между семантическими валентностями и другими типами зависимостей выражается … в том, что валентностей у большинства слов немного … и их морфологическое выражение часто идиоматично, т.е. зависит не только от содержания валентности, но и от того слова, которому она принадлежит» (Ю.Д. Апресян, 1995).

Сопоставление результатов лексико-грамматической ассимиляции досибирских заимствований и иноязычных новаций сибирского периода по данным томской деловой письменности позволяет сделать вывод о высокой интенсивности процесса ассимиляции в томских говорах XVII в. иностранных слов, входящих в говоры Среднего Приобья в сибирский период, поскольку индекс валентности сибирских заимствований в целом соотносим с индексом валентности заимствований XV–XVI вв. Кроме того, иноязычные слова сибирского периода заимствования реализуют все возможные типы валентностей: сочинительную, предикативную, субъектную, атрибутивную (активную и пассивную), объектную пассивную, комплетивную.

Выявлены особенности валентных способностей иноязычных слов, проявляющиеся на разных этапах лексико-грамматической ассимиляции. Апеллятивы иностранного происхождения, находящиеся на начальном этапе заимствования, в первую очередь приобретают в языке-реципиенте предикативную и сочинительную валентность. Характер предикативной валентности данных номинаций зависит от их категориальной и лексической семантики: одушевленные личные существительные сочетают предикативную валентность с субъектной семантикой; неличные существительные реализуют предикативную и объектную пассивную валентность, выражая семантический объект: «кочуют … *кучюгуты* и браты и маты и саяны», Томск, 1620 г. (Г.Ф. Миллер, 2: 258); «починили … *урундукъ*», Томск, 1675 г. (РГАДА, ф. 214, кн. 698, л. 342 об.). Иноязычные новации с низким индексом валентности находятся на ранних стадиях ассимиляции: *орчаки, ланза, маймаканцы, чаты, алман, мурья, нашатырь, урундук, чувал, пальма, яшма.*

В процессе дальнейшей ассимиляции иноязычные номинации приобретают наряду с предикативной и сочинительной другие типы

валентности: атрибутивную, комплетивную (количественную), обстоятельственную и т.д. – при актуализации заимствованием разнообразной синтаксической семантики. Такие слова имеют высокий индекс валентности: *мунчак, одекуй, ирбиз, чукрей, барсук, елань, бакша* ‘коробка’, *кумач, фарабат, тогуш, каир, киргиз, мугал, тунгус, тайша, киштым, бакша* ‘религиозный деятель’ и др.

Например, иноязычное обозначение сорта шелка персидского производства ***фарабат*** репрезентирует пассивную валентность, входя в состав сочетаний словоформ с сочинительной связью: «куплено … крашенин … и фарабату… и гарусу», Томск, 1658 г. (РГАДА, ф. 214, кн. 359, л. 12) – сочинительную валентность; в объектных глагольных словосочетаниях: «куплено фарабату», Томск, 1658 г. (там же, л. 5) – реализована объектная обязательная валентность; количественно-именных: «три фунта фарабату», Томск, 1658 г. (там же, л. 6) – комплетивная валентность; определительных именных: «(куплено) шелку фарабату», Томск, 1652 г. (РГАДА, ф. 214, кн. 305, л. 2) – определительная факультативная валентность. Индекс валентности – 4.

Обстоятельственная пассивная валентность, свойственная иноязычным этнонимам сибирского периода, и их пространственная грамматическая семантика как конкретизация характера обстоятельства являются характерной особенностью языкового континуума среднеобского фронтира XVII в.

Выводы, опирающиеся на исследование лексико-грамматической валентности иноязычных слов, согласуются с другими критериями определения степени их ассимиляции в системе принимающего идиома.

Глава пятая «Ареальный статус неисконных номинаций разговорной речи Среднего Приобья XVII в.» посвящена определению региона функционирования неисконных номинаций, реконструированных для разговорной речи Среднего Приобья XVII в., и их классификации. Для установления общерусской или диалектной природы неисконной лексики, функционирующей в русских говорах Среднего Приобья XVII в., данный словарный материал сопоставляется с лексическим составом памятников рассматриваемой эпохи, написанных на другой территории России XVII в.

Неисконная лексика, реконструированная для разговорной речи Среднего Приобья по материалам томских деловых документов XVII в., с точки зрения ареала функционирования в XVII в. распределяется по группам: общерусская, междиалектная и локально ограниченная лексика Сибири. К общерусской лексике относятся неисконные номинации, зафиксированные на всей территории Московского государства XVII в., в памятниках севернорусских, среднерусских и южнорусских говоров. Широкий ареал функционирования слов данной группы приводит с течением времени к закреплению их преимущественного большинства в составе русского литературного языка. В состав междиалектной лексики входят иноязычные слова, распространенные в ряде диалектов, причем не только территориально граничащих, но и отдаленных друг от друга. В локально ограниченную лексику Сибири XVII в.

(сибиризмы) включены иноязычные номинации, территория функционирования которых в допетровскую эпоху ограничена сибирским регионом.

В качестве *диалектизмов* XVII в. рассматриваются «слова обиходно-разговорного словаря, зафиксированные памятниками не на всей территории бытования русского языка, а лишь на ее части, а также слова, либо совсем не отмеченные историческими словарями и словарями русского литературного языка, либо отмеченные до и после XVII в. как характерные для говоров и памятников только отдельных районов России» (Е.Н. Полякова, 2002). Под *регионализмами* понимаются «слова различных сфер функционирования, зафиксированные только в памятниках отдельных территорий» (там же) и не сохранившиеся в современных русских народных говорах (О.С. Мжельская, 1987). Встречается и более широкое понимание регионализмов, включающих в себя как диалектные слова, так и региональные историзмы (А.П. Майоров, 2006).

Под сибиризмами мы понимаем региональные лексические единицы в единстве их формы и значения, сфера употребления которых в XVII в. ограничивается территорией Сибири. При этом данные номинации могут быть отмеченными или не отмеченными в современных сибирских говорах.

В первом разделе пятой главы «**Общерусская и междиалектная неисконная лексика в составе русских говоров Среднего Приобья XVII в.**» внимание сосредоточено на общерусской и междиалектной лексике досибирского и сибирского периодов.

Досибирские заимствования обязаны своим существованием в составе формирующейся лексической системы говоров Среднего Приобья материнским говорам русской метрополии. В соответствии с разработанной типологией неисконной лексики томских говоров XVII в. с точки зрения ареала их распространения в русском языке XVII в. выявлены следующие группы досибирских заимствований, функционирующих в разговорной речи Среднего Приобья XVII в.:

а) общерусская лексика, география функционирования которой охватывает регионы распространения материнских северновеликорусского, южновеликорусского наречий и среднерусских говоров, а также говоров Сибири. К данной группе неисконной лексики относятся праславянские и общеславянские заимствования, абсолютное большинство номинаций, вошедших в материнские говоры в IX–XV вв. (из уральско-алтайских – *карш, коты, мурза, улус, шерть, ясак* и др.; из западных языков – *збруя, кармазин, мушкат, селитра, шкода, шняка* и др.

б) междиалектная лексика, ареал распространения которой в XVII в. ограничен на материнской территории первоначального расселения жителей Среднего Приобья XVII в. и охватывает сибирский регион; статусом междиалектной лексики наделены в основном заимствования XVI в. (*бечева, бисяга, камас, кис, мусат, сакма, чалбыш, чуга, шляхта, шлях* и др.), и они составляют 83,3 %; междиалектные номинации, заимствованные до XVI в.,

единичны: *мурза, шогла* (16,6 %). Особенностью досибирской неисконной лексики, реконструированной для разговорной речи Среднего Приобья XVII в., является тот факт, что в составе междиалектной лексики количественным преимуществом обладают иноязычные слова незападного происхождения, среди которых финно-угорские заимствования (*камас, курья, лабаз, морда, кис, морж, нельма, ровдуга, росомака, туюс, уледи, чуни*) составляют 81 % всех досибирских финно-угорских заимствований (16 лексических единиц).

Исследование ареала функционирования иноязычных слов, вошедших в говоры Среднего Приобья в сибирский период, позволяет выделить следующие группы иноязычной лексики:

а) *общерусскую*, территория употребления которой в XVII в. является неограниченной; статус общерусских лексем в XVII в. имеют в основном иноязычные слова, вошедшие в русский язык и говоры Среднего Приобья в сибирский период (XVII в.) из западных языков: *аглинское* (сукно), *бумазея*, *дюжина*, *карабин*, *пистолет*, *рота*, *ярмарка, пистоль*, *трип*, *табак*, *лагун*, *тонпас* ‘топаз’, *финифт*, *лядунка, пара, полковник, польской, поляк, протазан, рейтар, *снур. снурок,*спикидар, фьялка, шпанка, мушкет* и др.;

удельный вес локально не ограниченных по своему употреблению слов алтайско-уральского происхождения в данной группе лексики значительно меньше по сравнению с лексикой западного происхождения сибирского периода и с досибирской лексикой (*ансырь, барсук, калмык, кумач, нашатырь, ясырь, яшма* и др.);

б) *междиалектную*, внутри которой отчетливо выделяются две подгруппы:

- иноязычная лексика, унаследованная от материнских говоров (*фарабат, чарки, шишиг*а);
- заимствованная в сибирские говоры и через них вошедшая в говоры русской метрополии (*калмак, киргиз, сарана*);

в) *локально ограниченную лексику Сибири*, территория функционирования которой ограничена сибирским регионом; классификация иноязычных слов данной группы представлена во втором разделе пятой главы «Русская неисконная локально ограниченная лексика Сибири в томской деловой письменности XVII века».

В XVII в. ареальное функционирование иноязычных слов сибирского периода, имеющих западное и алтайско-уральское происхождение, характеризуется следующими особенностями:

а) лексика западного происхождения в значительной своей части (более 72 % – 26 лексических единиц) является общерусской, и лишь единичные номинации (*анбурское, фурма*) имеют статус междиалектных слов;

б) функционирование лексики алтайско-уральского происхождения в большей мере, чем западной, имеет локально ограниченный характер (около 90 % иноязычных лексем незападного происхождения сибирского периода от 65 лексических единиц); общерусская лексика в данной группе составляет около 10 % (*ансырь, барсук, калмык, кумач, ясырь* и др.); статус

междиалектной лексики свойствен 52 % лексических единиц, заимствованных из тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских, самодийских и других языков в сибирский период (*малахай, киргиз, фарабат, чарки, шишига* и др.).

Выявление ареала функционирования междиалектных заимствований на территории материнских говоров позволяет определить диалектное происхождение неисконного фрагмента формирующейся лексической системы говоров Среднего Приобья. Междиалектную иноязычную лексику составляют номинации, относящиеся к различным материнским говорам:

а) преимущественным количеством обладают лексемы, унаследованные говорами Среднего Приобья от материнских севернорусских говоров: *бисяга, камас, кис, курья, лабаз, ровдуга, сакма, туюс, уледи, фарабат, чарки, шишига* и др. и незнакомые группам других говоров (около 50 % от числа всех междиалектных лексических единиц);

б) севернорусским и среднерусским говорам обязаны своим существованием в речи населения Томского уезда XVII в. досибирские заимствования *бечева, морда, морж, мусат, росомака, остяк, чалбыш* и иноязычные слова сибирского периода *анбурское, киргиз* и др. (около 35 % междиалектных лексических единиц);

в) ареал функционирования, ограниченный материнскими южнорусскими и среднерусскими говорами, имеют досибирские западные заимствования *шляхта, шлях, шогла* и др. (более 11 % междиалектных лексических единиц);

г) из южнорусских говоров, по мнению автора, вошли в среднеобские досибирское заимствование из украинского языка *чуга*, а также полонизм *шлях* (известный и в среднерусских говорах).

Под диалектным происхождением лексики вторичного говора понимается принадлежность диалектного лексического материала материнским говорам (В.В. Палагина, 2007). О диалектном происхождении корпуса иноязычной лексики говоров Среднего Приобья XVII в. свидетельствуют в основном междиалектные номинации, унаследованные от севернорусских говоров. На втором месте по количественному составу находятся заимствования, имеющие в качестве ареала первичного функционирования на материнской территории XVII в. севернорусские и среднерусские говоры. В целом корпус междиалектной иноязычной лексики томских говоров XVII в. на 85 % состоит из заимствований, унаследованных от северновеликорусского и/или средневеликорусского наречий. Южнорусские говоры также оказали влияние на формирующуюся лексическую систему томских говоров, о чем свидетельствуют досибирские заимствования, привнесенные в разговорную речь Среднего Приобья XVII в. из южновеликорусского наречия (*шлях, чуга*). Влияние южнорусского наречия на сибирские говоры может быть не только непосредственным, но и опосредованным среднерусскими говорами.

Итак, диалектное происхождение корпуса иноязычной лексики говоров Среднего Приобья XVII в. составляет в основном принадлежность

севернорусским говорам, а также среднерусским и в меньшей степени южнорусским.

Раздел второй пятой главы «**Русская неисконная локально ограниченная лексика Сибири в томской деловой письменности XVII века**» представляет классификацию локально ограниченной лексики Сибири XVII в.

С опорой на разработанную нами методику из текстов томских деловых документов выделены сибиризмы разных типов: лексические, формальные (фонетические, морфологические, словообразовательные), семантические и формально-семантические.

Лексические сибиризмы заимствованы в говоры Среднего Приобья непосредственно из аборигенных языков сибирского региона и называют явления предметного и непредметного мира, расширившие привычную языковую картину мира русских переселенцев, находящихся в постоянном контакте с коренным сибирским населением. Более всего это обозначения нерусского населения Сибири – различных племен, народностей и их представителей (*алтырцы, браты, канун*(*я*), *кутукта, саяны, тунгус*). Неисконные сибиризмы отражают особенности общественных и товарно-денежных отношений (*аманат*; *алман, кыштым, бакша*). Среди сибиризмов присутствует также промысловая (*каир, коч, пальма, тиски, чукрей*) и бытовая (*чувал, мурь/мурья*) лексика, которая фиксирует те культурные заимствования русских первонасельников сибирского края, которые были необходимы им для того, чтобы выжить в новых трудных условиях.

Установление территории функционирования данных слов в сибирском регионе XVII в. позволило обнаружить иноязычные лексемы, отмеченные только на территории Среднего Приобья: *бакша* ‘религиозный деятель’, *буг*(*а*), *кумка, мурь*(*я*), *орчаки, чавуралы, чувал* и др.

Формальные, семантические и формально-семантические сибиризмы имеют лексические корреляты в говорах российской метрополии и отличаются от своих общерусских и междиалектных соответствий по форме и/или по значению.

Формальные сибиризмы представлены фонетическими, морфологическими и словообразовательными модификациями слов, унаследованными русскими говорами Среднего Приобья XVII в. от материнских говоров.

Фонетические сибиризмы отличаются от своих общерусских коррелятов фонетическим (графическим) обликом: среднеобское *колобарда* (*калаберда*) – общерусское *алебарда,* соответственно *шнурок – снурок, юфь – юфть.*

Морфологические сибиризмы отличаются от общерусских лексем каким-либо грамматическим (морфологическим) значением, например родовой принадлежностью, при тождестве лексического значения (*карш – карша*).

Локально специфические с точки зрения словообразовательной структуры лексемы появляются преимущественно среди дериватов заимствований (*чатцы, сандалинной, изумрудцовой, улусишной* и др.).

Семантические сибиризмы характеризуются своеобразием семантики по сравнению с формально тождественными общерусскими единицами (*куяк* ‘вид панциря сибирских аборигенов’, *кушак* ‘пояс восточного происхождения’, *тавлия* ‘часть мясной туши’, *чемодан* ‘футляр, чехол на оружие’, *шапка* ‘воинский шлем’).

Формально-семантические сибиризмы представлены единичными случаями (*финиса* ‘украшение из финифти’ – *финифт* ‘эмаль для покрытия металлических изделий’).

В говорах Среднего Приобья выделяется группа вторичных заимствований – иноязычных слов, вошедших в сибирские говоры независимо от заимствований, воспринятых материнскими говорами метрополии Российского государства: *калмак, катун*(*я*), *курлук, мунгал, тонгус*.

Дальнейшая судьба сибиризмов XVII в. позволяет выделить в их составе

а) слова, вошедшие в литературную разновидность современного русского языка (*кета, муксун*);

б) диалектизмы, сохранившиеся в современных говорах (*бакша, коч, мурья, пальма, тиска, чувал*);

в) регионализмы (= региональные историзмы), отмеченные в томской деловой письменности XVII в. и в дальнейшем утраченные русским языком (*алман, алтырцы, багасары, каир, колобарда, тавлия, финиса, чукрей* и др.).

Таким образом, в русских говорах Среднего Приобья XVII в. функционирует значительное количество языковых единиц разного типа, составляющих особенность данного пограничного языкового континуума.

В заключении обобщены результаты проведенного исследования, подведены его итоги (см. положения, выносимые на защиту) и намечены перспективы дальнейшей работы.

В диссертации теоретически обоснована и апробирована модель комплексного исследования неисконной лексики вторичных говоров XVII в., особые условия становления которых связаны с диалогом русской и соседних культур. Полиаспектный анализ неисконной лексики в разговорной речи фронтирной зоны XVII в. позволил обнаружить результаты межкультурного (и межъязыкового) взаимодействия, выразившиеся в заимствовании определенных групп лексики, которая свидетельствовала о заимствовании культурном. Исследование неисконной лексики, функционирующей в разговорной речи Среднего Приобья XVII в., произведено на лексическом, словообразовательном, морфолого-синтаксическом уровнях языка в комплексе синхронно-диахронных взаимодополняющих аспектов: динамическом, генетическом, тематическом, системном, семасиологическом, грамматическом, функциональном (парадигматическом и синтагматическом), ареальном, культурологическом, источниковедческом. Комплексный подход к исследованию неисконной лексики позволил выявить общерусские тенденции и региональные особенности среднеобских говоров на начальном этапе их формирования.

Приложения содержат словник и 19 обобщающих таблиц, объективирующих выводы по разделам диссертации.

Основное содержание диссертации отражено в публикациях:

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Щитова О. Г. Процесс словообразовательной ассимиляции иноязычной лексики в русском языке как отражение культурных и языковых тенденций / О. Г. Щитова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. : Гуманит. науки (филология). – 2004. – Вып. 1 (38). – С. 15–20 (0,55 п. л.).

2. Щитова О. Г. Культурно-языковые ценности в региональном компоненте образования (на материале томских памятников письменности XVII в.) / О. Г. Щитова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. : Педагогика. – 2005. – Вып. 2 (46).– С. 158–162 (0,65 п. л.).

3. Щитова, О. Г. Функционирование иноязычных средств в тексте / О. Г. Щитова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. : Гуманит. науки (филология). – 2005. – Вып. 3 (47).– С. 74–78 (0,52 п. л.).

4. Щитова О. Г. Лексико-грамматическая валентность иноязычной лексики в русской разговорной речи XVII века / О. Г. Щитова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. : Гуманит. науки (филология). – 2005. – Вып. 3 (47).– С. 136–141 (0,49 п. л.).

5. Щитова О. Г. Репрезентация иноязычной лексикой концепта «Шерстяные ткани» в томских памятниках деловой письменности XVII в. / О. Г. Щитова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : История. Филология. – 2005. – Т. 4, вып. 4 : Филология. – С. 89–93 (0,5 п. л.).

6. Щитова О. Г. Польские заимствования в томской разговорной речи XVII в. / О. Г. Щитова // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2006. – № 291 : Сер. «Филология». – С. 195–199 (0,75 п. л.).

7. Щитова О. Г. Реконструкция неисконной лексики тематической группы «Военное дело» в томской разговорной речи XVII века / О. Г. Щитова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. : Гуманит. науки (филология). – 2006. – Вып. 5 (56). – С. 28–34 (0,8 п. л.).

8. Щитова О. Г. Функционально-стилевая миграция заимствований как один из критериев их ассимиляции в языке-реципиенте / О. Г. Щитова // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 294. – С. 102–108 (1 п. л.).

9. Щитова О. Г. Лексико-семантическая группа названий тканей в томских деловых документах XVII века / О. Г. Щитова // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 295. – С. 55–62 (1 п. л.).

10. Щитова О. Г. Русская локально ограниченная лексика Сибири неисконного происхождения в деловой письменности XVII века: культурно-

языковой аспект / О. Г. Щитова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. : Гуманит. науки (филология). – 2007. – Вып. 2 (65). – С. 12–19 (0,8 п. л.).

11. Щитова О. Г. Закономерности семантической ассимиляции неисконной лексики среднеобских говоров (на материале томских деловых документов XVII века) / О. Г. Щитова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. : Гуманит. науки (филология). – 2007. – Вып. 2 (65). – С. 45–52 (0,88 п. л.).

Монография

12. Щитова О. Г. Неисконная лексика в разговорной речи Среднего Приобья XVII в. : монография / О. Г. Щитова. – Томск : Изд-во Том. пед. ун-та, 2008. – 480 с. (28,1 п. л.).

Публикации в журналах, сборниках статей, материалах конференций и других изданиях

13. Щитова О. Г. Степень ассимиляции западноевропейских заимствований в русском языке / О. Г. Щитова // Жанрово-стилевая специфика лексики русского языка XVI–XVII веков : межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск : Изд-во Краснояр. пед. ин-та, 1987. – С. 95–104 (0,5 п. л.).

14. Щитова О. Г. Словообразовательная адаптация западноевропейских заимствований в русской разговорной речи XVII в. (на материале томских памятников письменности) / О. Г. Щитова // Русские старожильческие говоры Сибири : сб. науч. тр. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. – С. 62–71 (0,5 п. л.).

15. Щитова О. Г. Германские заимствования в томской разговорной речи XVII в. [Текст] / О. Г. Щитова // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. – С. 116–125 (0,5 п. л.).

16. Щитова О. Г. Статус западноевропейских слов в лексическом составе томских деловых документов XVII в. / О. Г. Щитова // Русские старожильческие говоры Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. – С. 64–73 (0,5 п. л.).

17. Щитова О. Г. Западноевропейские заимствования в деловых документах XVII в. (к проблеме функциональной валентности слова) / О. Г. Щитова // Функциональный анализ значимых единиц русского языка. – Новокузнецк : Изд-во Новокузнец. пед. ин-та, 1992. – С. 114–120 (0,4 п. л.).

18. Щитова О. Г. К истории западноевропейских заимствований в русском языке: культурологический аспект / О. Г. Щитова // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности : материалы секции “Язык в социально-культурном пространстве” Всерос. конф. (27–28 марта 1996 г.). – Томск : Изд-во Том. пед. ун-та, 1996. – Ч. 2. – С. 91–95 (0,25 п. л.).

19. Щитова О. Г. Аспекты изучения иноязычной лексики русского языка : метод. разработка / О. Г. Щитова. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1996. – 35 с. (1,75 п. л.).

20. Щитова О. Г. *Шлях*: семантический аспект этимологии / О. Г. Щитова // Этимологические исследования. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. –

Вып. 6 : Материалы 1–2 науч. совещ. по рус. диалект. этимологии (Екатеринбург, 10–12 октября 1991 г.; 17–19 апреля 1996 г.). – С. 151–156 (0,3 п. л.).

21. Щитова О. Г. Лексико-семантическая группа названий шерстяных тканей в томских деловых документах XVII века / О. Г. Щитова // Материалы Всерос. науч. конф. «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее». А. Актуальные проблемы русистики. Ч. I. А 1 : **История языка**. – Саратов, Сыктывкар, 1996. – С. 24–29 (0,3 п. л.).

22. Щитова О. Г. Деривационный потенциал заимствований в русском языке (на материале томских деловых документов XVII в.) / О. Г. Щитова // Вопросы индоевропейского словообразования и классической филологии : сб. ст. памяти Г. М. Шатрова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. – С. 206–213 (0,47 п. л.).

23. Щитова О. Г. Формальная лексическая валентность заимствований в русском языке XVII в. (по томским документам) / О. Г. Щитова // Материалы Междунар. съезда русистов в Красноярске : в 2 т. – Красноярск : Изд-во Краснояр. пед. ун-та, 1997. – Т. 1. – С. 68–70 (0,15 п. л.).

24. Щитова О. Г. Лексико-грамматическая валентность ранних заимствований в томских деловых документах XVII в. / О. Г. Щитова // Проблемы лексикологии, мотивологии и дериватологии : межвуз. сб. ст. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 117–124. (0,47 п. л.).

25. Щитова О. Г. Лексико-грамматическая валентность как критерий ассимиляции заимствований в русском языке / О. Г. Щитова // **Язык и культура** : сб. науч. ст. XIII междунар. науч.-метод. конф., посвящ. 120-летию Том. гос. ун-та. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. Разд. I–VII. – С. 76–82 (0,4 п. л.).

26. Щитова О. Г. Отражение диалога культур в славянских заимствованиях XVII в. / О. Г. Щитова // Методика преподавания славянских языков и литератур как иностранных с применением технологии диалога культур : материалы междунар. конф. (18–20 сентября 2003 г.). – Томск : Изд-во Том. пед. ун-та, 2004. – С. 145–154 (0,5 п. л.).

27. Щитова О. Г. Словообразовательная ассимиляция заимствований томской народно-разговорной речи XVII века / О. Г. Щитова // Актуальные проблемы современного словообразования : тр. междунар. науч. конф. (Кемерово, КемГУ, 1–3 июля 2005 г.). – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. – С. 238–243 (0,47 п. л.).

28. Щитова О. Г. Сибирские деловые документы XVII в. как источник изучения иноязычной лексики русских говоров Среднего Приобья / О. Г. Щитова // Актуальные проблемы русской диалектологии : тез. докл. Междунар. науч. конф. – М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2006. – С. 194–196 (0,1 п. л.).

29. Щитова О. Г. Денотативный аспект анализа семантики неисконных тканеобозначений (по памятникам сибирского делового письма) / О. Г. Щитова // Актуальные проблемы русистики : материалы Междунар. науч. конф.,

посвящ юбилею акад. МАН ВШ, д-ра филол. наук, проф. О. И. Блиновой (Томск, 9–11 ноября 2005 г.). – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. – Вып. 3 : Языковые аспекты регионального существования человека. – С. 574–581 (0,44 п. л.).

30. Щитова О. Г. Функциональная эквивалентность неисконной лексики в старорусской деловой письменности / О. Г. Щитова // Функциональный анализ значимых единиц русского языка : межвуз. сб. науч. ст. – Новокузнецк : РИО КузГПА, 2007. – Вып. 2. – С. 59–69 (0,68 п. л.).

31. Щитова О. Г. Заимствования сибирского фронтира XVII в. (на материале томской деловой письменности) / О. Г. Щитова // Проблемы лингвистического краеведения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию д-ра филол. наук, проф. Е. Н. Поляковой (г. Пермь, 27–29 ноября 2007 г.). – Пермь : Изд-во Перм. пед. ун-та, 2007. – С. 322–327 (0,35 п. л.).

32. Щитова О. Г. Сибирские заимствования русских говоров среднеобского пограничья XVII в.: по материалам деловой письменности / О. Г. Щитова // Человек – текст – эпоха: сб. ст. и материалов. – Вып. 3 : Социокультурные аспекты освоения Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. – С. 8–28 (1,07 п. л.).